

Картер Н.

**НИК КАРТЕР ПРОТИВ
ДОКТОРА КВАРЦА**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Ник Картер

**Ник Картер против
доктора Кварца (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Картер Н.

Ник Картер против доктора Кварца (сборник) / Н. Картер —
«Алгоритм», — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-04007-8

Ник Картер является коллективным псевдонимом множества авторов небольших рассказов в развлекательных периодических изданиях. Одновременно Ник Картер – уникальный персонаж детективного жанра, непревзойденный по количеству произведений, в которых он действует, и по числу его создателей. Впервые он появился в рассказе «Таинственное преступление на площади Мэдисон» 18 сентября 1886 г. в еженедельнике «New York Weekly». Рассказ был написан Джоном Расселом Корнуеллом (1848–1924), а сама идея принадлежала Орманду Смигу, главе издательского концерна Street&Smith. Корнуелл написал еще два рассказа о Картере, после чего работа была продолжена другими авторами. Наиболее известным из них был Фредерик ван Ренселаер Дей (1861–1922), написавший несколько сотен рассказов о Нике Картере. Как и все приключенческие рассказы, публикующиеся с продолжением, эти произведения нередко образовывали внутренние циклы с параллельными персонажами, как помогающими главному герою, так и противодействующими ему. В рассказах, публикуемых в данном томе, таким оппонентом для Ника Картера стал таинственный доктор Кварц, прототипом которого, несомненно, послужил небезызвестный профессор Мориарти – гениальный противник Шерлока Холмса.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-04007-8

© Картер Н.

© Алгоритм

Содержание

Доктор Кварц – преступный ученый	7
Страшная ночь в «Гранд-отеле»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ник Картер

Ник Картер против доктора Кварца

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Доктор Кварц – преступный ученый

В кабинете начальника полиции города Канзас-Сити у стола за оживленным разговором сидели сам начальник полиции и Ник Картер, знаменитый сыщик.

– Мистер Картер, – говорил начальник полиции, который при этом предложил своему посетителю сигару и закурил такую же и сам, – мэр города уполномочил меня заручиться вашим содействием в этой запутанной истории с находкой пяти трупов в товарном вагоне. Я надеюсь, вы исполните мою просьбу и примете на себя это поручение?

– Охотно, – ответил сыщик, равнодушно выпуская искусные кольца дыма из своей сигары, – я тем скорее возьмусь за это дело, что оно меня очень интересует и я сам желал бы заняться его расследованием.

– Вот это приятно слышать. Впрочем, весьма понимаю, мистер Картер, что это дело возбуждает ваш интерес. До сих пор в Канзас-Сити ничего подобного не бывало. Из Филадельфии прибывает сюда ничем не отличающийся и адресованный некоему Ц. Р. Авк товарный вагон. Никто за грузом не явился, и оказывается, что отправитель и получатель совершенно неизвестны, даже сам вагон оказывается бесхозным, так как он не принадлежал ни одной железнодорожной компании. Когда вскоре после этого вагон, тщательно запечатанный, вместе со своим неизвестным грузом продавался с торгов, его приобрел мистер Иеремия Стоун, владелец здешнего музея редкостей, за десять тысяч долларов. Этот Стоун знает вас давно; он содействовал вам при уличении очень опасного преступника, некоего доктора Кварца, казненного несколько лет тому назад, и ему сейчас же бросилось в глаза, что если прочесть имя получателя вагона с конца, то получалась фамилия Кварца. Этот Стоун и вызвал вас сюда, и вы после этого в его присутствии ночью открыли вагон. К вашему изумлению, вы установили, что внутри вагон был обставлен как изящная спальная комната, в которой находилось пять мертвецов. Из них двое мужчин и две женщины сидели у стола, как бы за карточной игрой, а пятая – молодая девушка выдающейся красоты – лежала недалеко от них на постели...

– Все это так, – перебил его сыщик, – мне удалось в ту ночь задержать пять молодцов, которым было поручено взорвать на воздух музей. Я выпытал у них, что один здешний врач, именуемый себя доктором Кварцем, стоит в соприкосновении с этим происшествием и что он, по всей вероятности, даже обставил вагон и оборудовал его. Вот из-за этого доктора Кварца меня это дело сильно интересует. Вы уже сказали, что несколько лет тому назад мне приходилось довольно долго заниматься этим доктором Кварцем, и вы можете себе представить мое изумление, когда я узнал, что нынешний доктор Кварц представляет собой двойника своего однофамильца, казненного уже несколько лет тому назад.

– А может быть, это сын того первого Кварца?

– Нет, для этого нынешний доктор Кварц недостаточно молод, – возразил сыщик.

– Пожалуй, это младший брат...

Сыщик задумчиво кивнул:

– Об этом думал и я, но...

– Вы не допускаете этой возможности, мистер Картер?

– Откровенно говоря, не допускаю, а между тем есть некоторые основания полагать, что это именно младший брат и есть. Но я не допускаю мысли, чтобы два брата могли быть так похожи друг на друга. Прежнему доктору Кварцу, если бы он еще жил, было бы лет пятьдесят. А, судя по наружному виду, нынешнему доктору Кварцу еще нет и сорока.

– Да, странная история, – согласился начальник полиции. – Я не могу понять возможности такого сходства.

– Видите ли, я уже говорил вам, – сказал Ник Картер, пожимая плечами, – меня наружное сходство еще не так удивляет.

– Это любопытно, мистер Картер, не расскажете ли вы мне биографию прежнего доктора Кварца?

Знаменитый сыщик рассмеялся:

– Это равносильно тому, как если бы вы потребовали, чтобы я прочитал вам большой энциклопедический словарь от первой до последней буквы. История жизни этого несравненного преступника слишком богата. Прежде всего он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел, и вместе с тем самым отъявленным негодяем. Он соединял в себе любезность аристократа с жестокостью тигра. При этом он был выдающимся ученым. Он говорил чуть ли не на всех языках, знал все науки и, казалось, усвоил себе всю область человеческого познания и способностей. Он был умелый хирург и врач и вместе с тем остроумный аналитик. Откуда он все это взял, я никогда не мог узнать. Он представлял собою неразгаданную тайну, по крайней мере, с того момента, когда мне пришлось иметь с ним дело, и до самой смерти он так и остался неразрешенной загадкой. Он презирал всех людей, он смеялся над всеми тюремными запорами, смеялся и надо мною – а это, кажется, было его единственной ошибкой, что он не оценил моих сил, так как именно я и подставил ему ту ножку, о которую он споткнулся...

– Кажется, вы в искусстве подставлять ножки достигли невероятной ловкости, мистер Картер! – со смехом перебил его начальник полиции.

– Видите ли, – рассмеялся и Ник Картер, – я полагал, по крайней мере до сих пор, что мне и в данном случае удалось обезвредить первого в мире преступника, но я откровенно сознаюсь, что события последнего времени поколебали во мне это убеждение.

– Как вас понять, мистер Картер?

– Очень просто. Ведь вдруг обнаруживается новый экземпляр доктора Кварца – там, где я этого меньше всего ожидал.

– Но что общего имеет наше дело с преступной карьерой прежнего доктора Кварца? – с сомнением спросил начальник полиции.

Ник Картер как-то нерешительно приподнял плечи и задумался.

– Как бы вам это объяснить... – проговорил наконец Ник. – Если бы я был суеверен и если бы мой разум не препятствовал мне даже думать об этом серьезно, то я был бы склонен верить, что прежний доктор Кварц воскрес из мертвых к новой жизни, хотя я лично присутствовал при его кончине и на его погребении. Словом, нынешний доктор Кварц и его предшественник должны быть одним и тем же лицом, другой возможности нет – и все же эта единственная возможность настолько бессмысленна и недопустима для каждого разумного человека, что мне остается только пожать плечами и вспомнить великого британца, сказавшего, что есть много вещей между небом и землей, которые и не снятся нашим мудрецам! Я повторяю: мой рассудок заставляет меня сознавать, что ни в коем случае это не может быть один и тот же человек. Но если это не одни и те же мускулы и жилы, не одни и те же кости и нервы, не та же плоть и кровь, то это, во всяком случае, один и тот же характер. Больше того, это те же отклонения от нормальной мозговой деятельности, как и у предшественника.

– Но не может же это быть один и тот же человек, ведь вы сами с этим согласны.

– Нет, – согласился сыщик, – этого не может быть, а между тем это так.

– Ну, Картер, я не могу больше, это слишком сложно для моего обыкновенного человеческого разума, – со вздохом сознался начальник полиции.

– Короче говоря, – продолжал Картер, – по моему мнению, мы имеем дело с человеком, до изумительности схожим с первоначальным доктором Кварцем, который обладает тем же характером, так же знает всевозможные науки, так же выказывает предупредительные и любез-

ные манеры, с человеком, говорю я, столь же высокоталантливым, столь же гнусным, столь же хитрым и столь же отважным. В общем, мы имеем дело с обратившимся снова в плоть и кровь первоначальным доктором Кварцем. Но этим характеристика этого человека далеко не исчерпана. Этот человек испытывает страстную радость при сознании того, что он, если можно так выразиться, двойник первоначального доктора Кварца. Насколько он смел, видно уже по фонарю, недавно прикрепленному к его дому, на котором далеко видными буквами изображена надпись: доктор Д. Б. Кварц.

– Как звали первого доктора Кварца по имени? – спросил начальник полиции.

– Так же как и теперешнего. Но слушайте дальше. Первый доктор Кварц начал свою преступную карьеру – я руководствуюсь полицейскими данными – с того, что необыкновенно большими средствами и громадными расходами сознательно и нарочно привлек внимание к своей преступной деятельности. Как вам известно, он устроил в громадном ящике из-под рояля дамский будуар и вместе со своей жертвой проехал товарным грузом три тысячи миль. Нынешний доктор Кварц устраивает товарный вагон с такой роскошью, что наши современные спальни в сравнении с этой обстановкой кажутся жалкими. Эта забава ему, во всяком случае, стоила восемь – десять тысяч долларов. А с его точки зрения, вся эта история ни более и ни менее как остроумная шутка. Итак, мы знаем, что наш новый доктор Кварц выстроил целый вагон, нужный для исполнения его нового плана. Мы знаем, что он не пожалел ни расходов, ни труда, чтобы обставить внутренность этого вагона как можно роскошнее и удобнее. Дальше, мы знаем, что он убил...

– Простите, мистер Картер, что я прерываю вас, – вставил начальник полиции, – вот тут-то и начинается затруднение, так как на самом деле мы вовсе не знаем, убил ли этот доктор Кварц кого-нибудь.

– Согласен, официально мы об этом не знаем, но нравственно мы убеждены в его виновности.

– Быть может, вы, мистер Картер, а я далеко еще нет.

– Ладно, – равнодушно ответил знаменитый сыщик, – тогда я выражусь иначе: по моему убеждению, этот доктор Кварц убил пять человек, трех женщин и двух мужчин, только для того, чтобы имевшееся у него намерение могло быть лучше исполнено. Затем он забальзамировал свои жертвы с такой ловкостью и искусством, от которого древние египтяне, мумиям которых мы до сих пор еще удивляемся, должны покраснеть со стыда. Со своими набальзамированными и приправленными еще и другими способами пятью жертвами он устроил зрелище, которому по захватывающему интересу и ужасу нет равного ни в одном музее восковых фигур. Нельзя представить себе более жизненную сцену, чем вид этих трупов, сидящих за столом и как бы играющих в карты. Откровенно признаюсь, что и я сначала ошибся и принял эти трупы за прекрасно изготовленные куклы. С тем же искусством труп девушки был положен на постель и пригвожден к матрасу воткнутой ей в сердце кинжалом.

– Да, действительно, это было ужасное зрелище, от которого кровь застывала в жилах.

– Так вот, все это представление преследовало совершенно определенную цель.

– Интересно знать, какую именно? – произнес начальник полиции.

– Извольте, слушайте. Чтобы понять это, нужно вернуться к тому времени, когда вагон прибыл сюда, в Канзас-Сити. Доктор отправил вагон в Канзас-Сити и нарочно оставил его на товарном вокзале, пока железная дорога должна была принять какое-либо решение относительно дальнейшей судьбы невостребованного груза. А это было сделано доктором Кварцем потому, что он желал, чтобы полиция узнала о том, что содержится внутри вагона. Я утверждаю, что доктор таким образом хотел убить двух зайцев зараз. Во-первых, он обратил таким образом внимание полиции на себя самого, то есть на то, что существует лицо, ничуть не стесняющееся нарушать закон и противиться его представителям. Во-вторых, через посредство

четырех трупов, игравших в карты, он дал имевшимся им в виду лицам предупреждение, не оставлявшее желать ничего лучшего в смысле ясности и наглядности.

– Вы меня извините, мистер Картер, но все то, что вы говорите, для меня совершенно непонятно, – проворчал начальник полиции с оттенком раздражения.

– Охотно верю вам, и если бы я не был умудрен своим опытом в этом деле, то, вероятно, теперь думал бы то же самое, что и вы. Но так как я прекрасно знаю первого доктора Кварца, то действия его преемника и мотивы их для меня очень понятны.

– Хорошо, но я этого опять не понимаю, мистер Картер. Вы уж извините меня, я человек простой, меня в школе учили, что дважды два – четыре, и поэтому я при всем желании не пойму, каким образом из всей этой чепухи может получиться нечто разумное.

– Видите ли, на всем земном шаре нет ни одного человеческого существа, которое не имело бы своей слабости, – сказал Ник Картер, усаживаясь поудобнее в своем кресле и обрезая свежую сигару. – Равным образом и первоначальный доктор Кварц имел такую слабость, и она-то и привела его к конечной гибели. Не будь меня, он, вероятно, жил бы еще и сегодня и был бы способен смеяться над всеми полицейскими учреждениями и сыщиками всего мира до самой своей смерти, которая последовала бы, вероятно, от старческой немощи.

– Вот как! А какая же это такая слабость?

– Эгоизм, самомнение, неограниченная вера в самого себя, мания величия – мало ли как можно назвать это. Выбирайте сами. Его широкая фантазия побудила его построить вагон. Он страдал манией величия, стремился к оригинальности и старался быть несравнимой противоположностью всех других людей.

– Вы полагаете, что *наш* доктор Кварц тоже страдает этой слабостью?

– Именно! Благодаря ей-то он и построил товарный вагон.

– Ладно, но, соглашаясь со всем этим, я все-таки еще не понимаю...

Ник Картер сделал нетерпеливое движение.

– Хорошо, предположим, что тот человек, который тоже именуется доктором Кварцем, прошел всю лестницу всевозможных преступлений и злодеяний, не будучи заподозренным ни разу. Он крал и похищал все, что ему попадалось на пути, он убил более пятидесяти человек, и ни разу подозрение не пало на него. Разве трудно допустить, что с течением времени все это ему приелось и ему надоело быть постоянно в безопасности? Совершение злодеяния уже не щекочет его нервы именно потому, что оно не сопряжено для него с опасностью. По крайней мере, так думал и действовал бы прежний доктор Кварц. Он был преисполнен гнусных стремлений, он любил преступление из-за преступления и опасность ради нее самой. Он убивал, так как убийство доставляло ему жестокое наслаждение и так как он вместе с тем доказывал бессилие власти, не имевшей возможности покарать его. Если бы он воткнул на открытой площади отравленную иглу в тело какой-нибудь невинной жертвы, если бы эта жертва умерла бы тут же или по прошествии нескольких часов – никогда даже тень подозрения не пала бы на доктора Кварца. Он убил целую семью, которую он пользовал в качестве врача, а впоследствии выяснилось, что он сумел завоевать уважение и любовь своих жертв настолько, что все состояние семьи было по завещанию отказано ему. Но и здесь он поступал так ловко, что никто и не думал заподозрить его. Наконец это ему надоело. Путем своих преступлений он собрал громадное состояние и мог бы удесятерить его тем же путем. Но ему надоела его обеспеченная жизнь. Словом, он жаждал опасности. Он хотел победить полицию в открытой борьбе, он хотел выступить против всего человечества, так как он мнил себя умнее и хитрее всех людей, вместе взятых. Ему хотелось, чтобы его заподозрили, чтобы его преследовали. Для него было наслаждением считаться величайшим и ужаснейшим преступником всех времен и все-таки победоносно отражать всякое подозрение, всякое обвинение. Он стремился к тому, чтобы на улице на него указывали пальцами, чтобы все и вся узнали о том, что именно он, и только он, виновник всех неслыханных злодеяний, и при всем этом он хотел своим обвинителям рассме-

яться в лицо и злорадствовать, что они не могут ничего доказать. Вот побудительная причина того, что он в свое время соорудил ящик для рояля, который и привел его к гибели. Его мания величия побудила его совершить самое невообразимое злодеяние, и по той же самой причине наш теперешний доктор Кварц построил свой товарный вагон и наполнил его трупами. Мания величия влечет его к гибели!

– Сознаюсь, такой характер кажется мне просто невероятным, – со вздохом произнес начальник полиции.

– Я сам при первой встрече с доктором Кварцем рассуждал точно так, как вы сегодня. Но теперь я способен понять такой характер, после того как мне пришлось иметь дело с ним, и я снова узнаю и разгадаю его, где и когда я ни встретил бы его.

– Но скажите мне, бога ради, неужели человек может дойти до такого сумасбродства, чтобы нарочно навлечь на себя преследование? Ведь должен же он считаться с возможностью, что натолкнется на равный ему по силе ум и будет уличен и уничтожен?

– Мы имеем дело с доктором Кварцем, а потому это не только возможно, но и очень вероятно, – возразил Ник Картер, пожимая плечами.

Начальник полиции лишь покачал головой, не зная, что сказать.

– Вспомните мои слова, – продолжал Ник Картер, – вы должны были отпустить доктора Кварца на свободу, так как улики были недостаточны для его задержания. А я готов держать пари, что про себя он высмеивает вас. Больше того, он смеется и в то же время уже задумывает новое преступление, в сравнении с которым убийство пяти человек в товарном вагоне покажется простой шуткой. Доктор Кварц пока оставил нам только свою карточку. Посмотрим, что он вам еще преподнесет!

– Ладно, – сказал начальник полиции после некоторого молчания, – мертвый в гробу мирно спит, а мы займемся лучше нашим настоящим делом. Мы знаем, почему именно вы заподозрили доктора Кварца. Вы отправились к нему на дом, чтобы арестовать его, и нашли там двух женщин в полубессознательном состоянии. Они пришли в себя лишь в полицейском управлении, и доктор Кварц обвинил их в совершении преступления, обнаруженного в товарном вагоне.

– Правильно, – улыбаясь, заметил Ник Картер, – к сожалению, обе женщины заявили, что ничего не знают обо всем этом происшествии, а так как доказательств противного не было, то вы должны были отпустить и этих двух пленниц на свободу.

– Конечно, я должен был отпустить их, хотя они оставлены еще под надзором полиции, так как и доктор Кварц не мог доказать своего обвинения.

– Да и трудно бы это было для него, – вставил сыщик, – это смехотворное обвинение входило в его программу, вот и все.

– Опять-таки не понимаю вас, мистер Картер.

– Да очень просто. Наш доктор при всей своей хитрости не мог ожидать, что его лично так внезапно и быстро поставят в связь с товарным вагоном. То обстоятельство, что обе женщины во время моего посещения находились в его доме в качестве пленниц, совершенно не относится к интересующему нас делу, а представляет собой одну из многочисленных тайн доктора, о которых мы пока знаем очень мало. Я так и подозревал, когда он предъявил это ужасное обвинение против тех двух женщин. Они совершенно случайно очутились в его власти, когда я пришел, чтобы арестовать его, и то, что он возвел на них бездоказательное обвинение, чтобы спасти себя самого, может служить характерным признаком его наглости.

– Вы, пожалуй, правы, Картер, но ваши умозаключения мне непостижимы. Так или иначе, я подозреваю тех женщин в том, что они, несмотря на упорные отпирательства, все-таки имеют то или иное отношение к преступлению в товарном вагоне.

– Совершенно с вами согласен, но только в ином отношении, нежели вы, по-видимому, предполагаете. Часть моей задачи состоит в том, чтобы разъяснить и этот вопрос. С тех пор

как эти две женщины отпущены на свободу, мой помощник Патси следит за ними, и я надеюсь, что вскоре узнаю от него кое-какие подробности. Но я и теперь уже не сомневаюсь, что эти женщины только жертвы преступных комбинаций доктора Кварца и что они только из страха перед ним не желают давать полиции никаких объяснений.

– Из страха перед чем? – в изумлении спросил начальник полиции.

– Этого я еще сам не знаю, но надеюсь, что в скором времени узнаю.

– Послушайте, Картер, на вас и на Иеремию Стоуна в музей напали преступники, которым кем-то было поручено взорвать товарный вагон со всем музеем. Вы придерживались сначала того мнения, что эти преступники были наняты теми двумя женщинами.

– Верно. Но я переменил мнение в тот момент, когда доктор стал обвинять этих женщин, и мы потом убедились, что они ничего общего не имели с динамитным покушением.

– Именно, а с точки зрения сведущего человека могу только подтвердить, что эти женщины имеют так же мало общего со взрывом, как вы или я. Подозрение против них было возбуждено единственно только вследствие того интереса, который они питали по отношению к товарному вагону, пока тот стоял еще на товарном вокзале.

– Совершенно верно, – согласился сыщик.

– Ну-с, вам известно так же хорошо, как и мне самому, что по столь шаткому подозрению нельзя держать людей под арестом.

– Никоим образом нельзя. А других улик против Эдит Пейтон и ее камеристки не имелось.

– Хорошо, к этим двум женщинам мы вернемся потом, – решил начальник полиции, – а теперь расскажите мне, что произошло, когда вы в ту ночь вместе с Иеремией Стоуном рассматривали товарный вагон, войдя в него через открытый вами потайной ход?

– Я нашел в вагоне четыре забальзамированных трупа, двух мужчин и двух женщин, сидевших на стульях и придерживающихся целой сетью проволоки. На железной кровати в углу лежал еще один забальзамированный труп. Четыре сидевших за столом покойника находились приблизительно в сорокалетнем возрасте, а молодая женщина на кровати была не старше двадцати. Когда она уже была мертва, ее сердце пронзили кинжалом, еще торчавшим из ее груди, когда я ее увидел.

– И во всем городе ни один врач не мог установить причину смерти этих пяти покойников?

– Очевидно, был применен сильно действующий яд, но взятая для бальзамирования жидкость уничтожила всякие следы этого яда. Тем не менее все врачи единогласно высказывают мнение, что совершено пятикратное отравление.

– Хорошо, мистер Картер! И все, что полиция могла установить путем осмотра, ограничивалось только тем, что совершено убийство пяти лиц и что неизвестный убийца напал на своеобразную мысль отправить трупы из того города, где было совершено злодеяние, в Канзас-Сити. Вот все, что мне удалось установить. Вы же в ваших предположениях идете много дальше.

– Конечно, так как я во всем этом происшествии вижу руку и метод проклятого доктора Кварца. Если вы потрудитесь припомнить конструкцию товарного вагона, то вспомните, что на одной из боковых стенок не только находилась потайная дверь, но что в вагоне был открыт прекрасный доступ для воздуха. Имелись даже искусно скрытые окна, которые могли быть открываемы изнутри и через которые находившиеся в вагоне лица могли не только дышать свежим воздухом, но и обозревать по пути местность. И неужели же вы думаете, что человек, построивший и обставивший этот товарный вагон только для того, чтобы отправить в нем трупы, стал бы заботиться о достаточном притоке свежего воздуха?

– Верно! Вы правы, Картер!

– Мы поэтому вправе заключить, что товарный вагон первоначально предназначался для того, чтобы поместить в нем живых людей.

– Ясное дело, – согласился начальник полиции.

– Отлично, но нам известно, что вагон не был использован для своей первоначальной цели. А я повторяю, что в нем должны были быть перевезены не трупы, а живые люди. Судя по расположению кроватей, вагон первоначально был предназначен шести спутникам, вероятно, трем супружеским четам, спавшим ночью в трех разных помещениях, а днем проводившим время в одном общем большом помещении. Идем дальше. Доктор Кварц, между прочим, часто вступал в брак с богатыми наследницами. Это, так сказать, было одной из его специальностей, причем ему удивительно часто удавалось жениться на столь же богатых, как и красивых девушках. А после того как он овладевал состоянием своей жены, причем во многих случаях он должен был убивать всю семью, чтобы остаться наследником, он убивал и ее самым хладнокровным образом, а после этого сейчас же принимался за поиски новой жены и новых жертв. По моему мнению, в данном случае с товарным вагоном мы имеем дело с происшествием, где новый Кварц подражал методу своего предшественника, увеличив его до исполинских размеров. Он нашел избранную им жертву и построил вагон, чтобы поместить в нем свадебную компанию, состоявшую, надо полагать, из его невесты, его самого и четырех родственников невесты. Но, вероятно, что-нибудь помешало исполнению тонко обдуманного плана. Возможно, что в последний момент невеста стала отказываться, а может быть, ее родственники узнали, кто такой доктор Кварц на самом деле, и они отказались согласиться на совершение брака. Предположим далее, что вагон был уже готов и вполне обставлен, когда планы доктора были разрушены. Доктор Кварц на этом основании придумал сатанинскую, достойную его месть. Он просто-напросто из свадебного вагона сделал мертвецкую. Вот вам в кратких словах мое мнение.

– Но по какой же причине он отправил вагон сюда, в Канзас-Сити? Почему именно сюда, в тот город, в котором он сам проживает и где он практикует? Для чего же ему, после того как он взял на свою душу пять убийств, нужно было навлечь на себя подозрение полиции, да еще и в такой грубой форме?

– Милейший мой, если бы можно было разрешать такие загадки по первому взгляду, то наш брат сыщик был бы совершенно не нужен и мог бы отправиться восвояси, – улыбаясь, ответил Ник Картер. – Не забывайте, что перед нами тайна столь темная, что разгадка ее может ускользнуть из рук еще в тот самый момент, когда мы уже будем думать, что распутали ее.

– Так и мне кажется.

– Из фактов мы до сих пор знаем только следующее. Во-первых, в Канзас-Сити отправлен товарный вагон, который был открыт здешними властями, причем в нем найдено пять трупов. Во-вторых, найденные покойники забальзамированы так искусно, что способ бальзамирования совершенно неизвестен местным представителям науки, не знающим решения этой загадки. В-третьих, некоторые обстоятельства указывают на связь известных имен с преступлением. Имена эти: доктор Кварц, Эдит Пейтон и ее камеристка Сюзанна Каммингс. Далее есть еще двое мужчин, имен которых мы не знаем, но которые, кажется, и не имели прямого отношения к самому преступлению, а служили лишь орудиями в руках преступника, а преступник этот, по всей вероятности, – доктор Кварц! Нигде нельзя было найти следа, по которому можно было бы выяснить личность пяти покойников. Вагон прибыл из Филадельфии, но можно предположить с уверенностью, что ни один из убитых не происходит из этого города квакеров.

– Верно, ни вагон, ни трупы. Тамошняя полиция не могла дать нам никаких сведений.

– В числе трех лиц, имена которых находятся в связи с совершением преступления, нет ни одного, против которого имелись бы основательные улики. Доктор Кварц имеет возможность доказать свое алиби и беззаботно смеется в ответ на обращенные к нему вопросы. Эдит Пейтон и ее камеристка относятся к той же категории с той лишь разницей, что они либо

слабоумны, либо страдают еще от последствий привитого им яда, ограничившего их умственные способности. От них нельзя добиться толку, причем они даже не понимают смысла большинства поставленных им вопросов. Если же Эдит Пейтон действительно разыгрывает только комедию, то она настолько ловка, что превосходит нас всех.

– Вот и отыскалось бы наконец лицо, превосходящее моего друга Ника, – пошутил начальник полиции.

– Эта комедия состоит из совокупности подробностей, – продолжал Ник Картер, – состоящих из следующего: личность трупов не может быть установлена, товарный вагон не имеет владельца, мотивы убийств весьма таинственны, причина наступления смерти, во всяком случае, неясна, доктор Кварц пользуется репутацией безупречного, порядочного человека, те две женщины, по крайней мере насколько нам известно, знали о содержимом вагона так же мало, как мы с вами, и, наконец, нет следов, по которым можно было бы раскрыть тайну, за исключением самого товарного вагона с его ужасным грузом.

– Вот так, Картер, теперь вы говорите, по крайней мере, на понятном языке, – сказал начальник полиции и вздохнул облегченно.

– Милый друг, то, чего вы не понимаете, для меня тоже еще не ясно. Но дальше. Руководствуясь этими фактами, я пока принял следующие меры: по телеграфу поручил моему первому помощнику, Дику Картеру, установить путь следования вагона начиная со станции отправления. В настоящее время он находится в Филадельфии и оттуда пробирается сюда, а я сам хочу попытаться установить личность убитых. Прошлой ночью сюда прибыл доктор Вентворт, знаменитый химик и эксперт, и теперь он занят попыткой анализа жидкости, примененной для бальзамирования, и установлением причины смерти. Я сам пойду по следу самого доктора Кварца. Полагаю, что сумею согласовать это с моими стараниями установить личность пяти убитых. Затем я направил одного из моих наиболее способных помощников, Тен-Итси, на след найденной у Кварца на квартире девушки и ее камеристки, а Патси вместе с Джимом Глизоном, которому было поручено взорвать вагон, пытается узнать, насколько причастны к происшествию те двое мужчин, которые так тщательно рассматривали вагон на товарном вокзале. Таким образом, дело пока представляется в следующем виде: я должен установить личность пяти покойников, прежде чем заниматься расследованием самого дела; такую же деятельность мой двоюродный брат Дик проявляет по отношению к вагону, так как ему поручено выследить владельца и узнать мотивы убийства пяти человек. А во время расследования выяснится, каким образом они были убиты. Если доктор Кварц действительно тот порядочный человек, за которого он себя выдает, то я установлю это так же, как установил бы противоположное. В течение недели Тен-Итси узнает, какая связь существует между той девушкой, ее камеристкой и таинственным преступлением, а равно и узнает, каким образом они попали на квартиру Кварца. Вот приблизительно все.

– Гм, пока все это звучит очень разумно. По крайней мере, я это лучше понимаю, чем ваши описания мании величия и преступного тщеславия этого доктора Кварца. А что касается нашего вознаграждения, Картер, то мэр города полагает...

– Не беспокойтесь, город заплатит мне все что следует. Когда я закончу это дело, я представлю счет и обещаю вам, он будет не маленький.

– Конечно, мы здесь не скупимся. С другой стороны, мэр города не желал бы назначать награду за предоставление доказательств. Он придерживается того же мнения, что и я, – все расследование должно вестись как можно более скрытно.

– Скрытно или открыто, это для меня безразлично, – возразил Ник Картер с широкой улыбкой. – По мне, пусть узнают хоть от берегов одного океана до другого, что я взялся за это дело. Впрочем, самый главный участник, наш доктор Кварц, об этом уже знает. А для того чтобы у него не оставалось никаких сомнений, я сам лично извещу его об этом. Я еще сегодня вечером пойду к нему и сделаю ему сообщение.

– Хотите ли вы этим сказать, что вы напрямую обвиняете его в убийстве?

– Приблизительно так оно и будет, – улыбаясь, ответил Ник Картер, – конечно, я выскажу свое убеждение не совсем ясно.

– Но вы действительно отправитесь в самое логово льва?

– Конечно, я хотел бы тщательно понаблюдать за ним.

– Смотрите, Картер, будьте осторожны, иначе он изберет вас в качестве груза, который обычным для него путем отправит куда-нибудь, а это, пожалуй, может повредить вашему здоровью.

– Вот этого я только бы и хотел, – ответил сыщик, смеясь, – я готов идти на пари, что в таком случае я проведу бы его! На этом играл его однофамилец – и проиграл. Дело в том, что я уже собрал некоторый материал, о котором еще ничего не говорил вам.

– А... это любопытно.

Сыщик вынул из одного кармана маленький, отделанный бархатом кожаный футляр и передал его начальнику полиции.

– Посмотрите-ка на эту штучку, в которой прежде, вероятно, находились дамские часы.

Начальник полиции надавил на пружину, и крышка открылась. Вместо золотых часов там находилось некоторое количество белого воска, на котором виднелись следы какого-то оттиска.

– Милейший Картер, я никогда не умел разгадывать загадки. Что это такое?

– Помните, в товарном вагоне все было рассчитано на то, что полицией будет произведен осмотр всего – всего, кроме вот этого? А это отпечатки пальцев, найденные мною на плюшевой обивке стен вагона, да притом отпечатки, оставленные не нарочно. Отпечаток одного из этих пальцев очень ясен. Это отпечаток большого пальца левой руки. Я сфотографировал его и затем увеличил, а в этот футляр я положил воск, чтобы попросить доктора Кварца сделать отпечаток большого пальца его левой руки.

– Но ведь на воске уже есть такой отпечаток.

– Это от моего собственного пальца. Я сделал его для того, чтобы показать доктору, каких прекрасных результатов можно добиться таким путем.

– Милейший Картер, что у вас за фантазии? – возразил начальник полиции. – Доктор Кварц просто высмеет вас и отпечатка не даст.

– Да это и не нужно, пусть отказывает в этом, а я, когда выскажу свою просьбу, по выражению его лица сразу увижу, в чем дело.

– А что вы выиграете этим, Картер? – спросил начальник полиции, пожимая плечами.

– В лучшем случае мне хотя бы отчасти откроется ход мыслей этого человека. Он наверняка не откажет, но неожиданная просьба изумит его. Несомненно, доктор Кварц обладает исключительным присутствием духа, но и такие люди не владеют выражением своего лица хотя бы в течение секунды, если обратиться к ним с требованием, которое поражает и пугает их в одно и то же время. Доктор Кварц врач, и врач знающий, как я полагаю. И как таковой он знает, что новейшая наука установила, что у многих миллионов людей на земном шаре нет двух одинаковых отпечатков большого пальца. А отсюда следует, что как бы изворотлив ни был человек, он не сумеет изменить своего большого пальца, лучше сказать, главные линии своего большого пальца.

– Это опять одна из ваших тонкостей, Ник, – проворчал начальник полиции. – И вы думаете, что он даст вам отпечаток большого пальца?

– Если он этого не сделает, то он навлечет на себя прямое подозрение. А если сделает, то тем паче будет пойман. Этот умный, ясно мыслящий человек сразу уяснит себе эту истину. Она в течение одной или нескольких секунд настолько сильно займет его мозговую деятельность, что последняя не будет в состоянии исполнить какую-либо другую функцию. Вот на это я и надеюсь. Это короткое мгновение, когда доктор Кварц потеряет власть над чертами своего

лица, когда его лицо выразит его неподдельные ощущения, должно дать мне ключ к раскрытию всей тайны.

– Послушать вас – и не поверишь, – задумчиво произнес начальник полиции, – знаете, Картер, если я когда-нибудь рискнул бы совершить маленькое убийство с целью грабежа, будьте добры, не беритесь за мое дело, так как вы начинаете положительно становиться для меня страшным.

– Там увидим, – смеясь, ответил Ник Картер и встал со своего места.

– Вы уже идете, Картер? – спросил начальник полиции.

– Конечно, я собираюсь к доктору Кварцу и посмотрю, не удастся ли мне заставить его открыть мне хоть малую толику своего внутреннего «я».

– Не забудьте возвратиться! – крикнул ему вслед начальник полиции.

* * *

Когда Ник Картер позвонил у парадной двери доктора, ему сейчас же открыл дверь лакей в ливрее, которому он вручил свою визитную карточку с просьбой передать ее хозяину.

Лакей сейчас же вернулся и проводил Картера в приемную, на пороге которой через минуту показался сам доктор Кварц.

– Я не смел надеяться, что вы окажете мне столь незаслуженную честь, мистер Картер, – начал доктор Кварц предупредительным тоном. – Какому стечению обстоятельств могу приписать ваше посещение?

С этими словами хозяин вошел в комнату и предложил Нику кресло.

– Причины моего посещения вам, по всей вероятности, достаточно хорошо известны, так что у вас на этот счет не может быть сомнения, – спокойно ответил сыщик. – Я пришел, чтобы предложить вам несколько вопросов, и надеюсь, что вы ответите мне на них без запирательства.

– Я могу принять по этому поводу решение лишь после того, как ознакомлюсь с сущностью ваших вопросов, – возразил хозяин все с той же любезной улыбкой.

– Конечно. Если я не ошибаюсь, вы назвали себя здесь, в Канзас-Сити, доктором Кварцем?

– Мне, конечно, известно, что когда-то существовал другой доктор Кварц, но их в настоящее время может быть еще дюжина и даже больше. Меня тоже зовут Кварцем.

– Хорошо, – продолжал Ник Картер, – вы только что упомянули о некоем докторе Кварце, о существовании которого вам известно. Знаете ли вы его лично?

– Даже очень близко.

– Может быть, он вам приходится родственником?

– Вы не ошиблись. Это мой брат, который был на десять лет старше меня.

– За это сообщение я обязан вам искренней признательностью. Не будете ли вы любезны пояснить мне также, каким образом сходятся начальные буквы ваших имен?

– Его имя было Джон, или Джек, как его звали в семье. А мое первое имя – Джеймс. Подобным же образом сходятся и первые буквы наших вторых имен. Желаете ли вы еще более подробно ознакомиться с нашей семейной хроникой?

– Да, мне доставило бы большое удовольствие узнать от вас, кто были ваши родители и чем они занимались.

– Весьма сожалею, что я сейчас не расположен удовлетворить ваше любопытство. Впрочем, если я не ошибаюсь, вы получили все эти сведения от моего старшего брата. Несомненно, вы не раз задавали ему этот вопрос?

– Совершенно верно, – спокойно согласился Ник Картер.

– Когда вы были здесь в последний раз, – продолжал доктор, причем зрачки его уменьшились и приняли вид острых булавок, – вы явились, чтобы арестовать меня на основании

сумасбродного обвинения. Чтобы доказать вам, в каком смешном виде вы выставили себя в моих глазах, я позволил себе подшутить над вами немного.

– Вы, вероятно, намекаете на возведенное вами на тех двух женщин обвинение? – так же спокойно спросил Ник Картер.

– Именно.

– Видите ли, – продолжал сыщик, – одним из мотивов моего сегодняшнего посещения является желание спросить вас, чего вы, собственно, хотели достигнуть этой, как вы выражаетесь, маленькой шуткой.

– Как бы вам объяснить это... – пожимая плечами, ответил доктор. – Ладно, дайте подумать.

Он подпер подбородок рукой и, по-видимому, погрузился в глубокое раздумье, но сыщик ясно видел, как тот улыбался за поднятой рукой.

Вдруг доктор поднял голову и ответил, насмешливо улыбаясь:

– Смею допустить предположение, что мы все более или менее заинтересованы в тайне, окружающей товарный вагон?

– Казалось бы так, хотя вы с вашей стороны еще не потрудились доказать этот интерес официально.

– Хорошо, тогда я был заинтересован, а теперь уже нет, или наоборот, как вам будет угодно, мистер Картер. Но для того чтобы вы меня поняли, я должен начать немного издалека.

– Пожалуйста, не стесняйтесь. Я обладаю неиссякаемым терпением.

– Я слышал об этом. Ну так вот, начну с того, что сознаюсь вам в том, что, пока вы еще не имели понятия о моем существовании, я уже тщательно следил за вами.

– Неужели? – воскликнул сыщик. – Я поражен!

– Когда я закончу, ваше изумление еще значительно возрастет.

– Очень буду рад этому, так как я люблю маленькие сюрпризы, особенно подобного свойства.

– Видите ли, мистер Картер, вы достаточно развиты для того, чтобы понять, что если кто-либо берется за исполнение какого-нибудь дела, он должен посвятить некоторое время изучению данного дела. Степень этого изучения зависит от двух условий: от сложности самого дела и от степени интереса, с которым берешься за него.

– Вполне с вами согласен.

– Ну, видите ли, мистер Картер, на изучение вашей личности я употребил около десяти лет.

– Я весьма тронут таким почетным для меня вниманием, – насмешливо ответил Ник Картер.

– Не расточайте ваших комплиментов, это ведь дело вкуса, – коротко заметил доктор Кварц.

– Смею ли спросить, что, собственно, отняло у вас столь много лет: сложность ли самой задачи или проявляемый вами к ней интерес? – в том же тоне спросил Ник Картер.

– И то и другое, – гласил любезный ответ.

– Вы позволите мне спросить о результатах ваших исследований?

Доктор Кварц прошелся по комнате. С одного из столов он взял глобус и подошел вплотную к сыщику, указывая правой рукой на земной шар.

– Если бы я пожелал вполне ознакомиться с земным шаром, чтобы усвоить все подробности, я начал бы с такого глобуса. Ознакомившись таким образом с основными положениями, я начал бы изучать отдельные страны. Затем я разбил бы страны на части и снова стал бы изучать каждую часть в отдельности. Затем я опять разделил бы эти части, и, идя дальше по такому пути, я продолжал бы свое исследование до тех пор, пока не ознакомился бы с каждым городом, с каждой деревней, с каждым отдельным домом, а также с каждой речкой, с составом

почвы и малейшими ее возвышениями так подробно, как со своим собственным карманом. Вы меня понимаете? Приходя к концу такого изучения, я сумел бы дать вам столь же подробную справку о Тибете, как вы можете дать мне таковую... ну, скажем, об организации нью-йоркского полицейского управления.

– Вполне понимаю. А что из этого следует?

– Ни больше ни меньше как то, что я следовал тому же методу, когда изучал вас.

– Но с какой же целью вы начали изучать меня?

– Потому, милейший мистер Ник Картер, что вам удалось погубить лицо, которое я считал наиболее ученым, умнейшим и способнейшим человеком в мире.

– А, вы намекаете на вашего талантливое предшественника?

– Именно. Долголетняя война, которую вы вели с ним, закончилась вашей победой. Но война, разгоревшаяся между нами, принесет вам поражение.

– Ага, – быстро проговорил Ник, – следовательно, вы признаете, что мы воюем?

– Нет, я не признаю этого, но сам объявляю вам войну!

– Отлично. Ваша откровенность сберегает нам обоим много времени и труда.

– Я это осознаю не вполне. Возможно, что вы сбережете время и труд. Что касается меня, то я об этом еще не думал. Меня искренне радует ваше сегодняшнее посещение, так как, если бы вы не пришли ко мне, я пришел бы к вам.

– Вероятно, вы не так легко нашли бы меня, доктор.

– Ничуть. Я знаю каждое движение ваше и знал их в течение последних лет. Не забывайте, что я сделал предметом изучения вас и ваши методы.

Ник только пожал плечами. Из всего поведения доктора, скрывавшего грозный вызов, Ник Картер вывел заключение, что тот отнюдь не хвастал. Сыщик теперь с любопытством выжидал, далеко ли пойдет его противник в своей кажущейся откровенности.

К своему изумлению, Ник Картер должен был вскоре сознаться, что доктор Кварц вовсе не говорит одни только слова, хвалясь тем, что подробно знает сыщика.

– Я пришел бы к вам с тем, чтобы доложить вам о некоторых мелочах, вам неизвестных, хотя вам, быть может, и покажется невероятным, что на свете есть вещи, вам неизвестные, – продолжал доктор.

– А именно? – спокойно спросил Ник Картер.

– Все ваши гримы и переодевания мне хорошо известны, и какой бы грим вы ни применили, я немедленно узнаю вас. Вы за последние четыре-пять лет при исполнении вашего призвания не достигли ни одного успеха, за которым я не следил бы с начала до конца. Я наблюдал за вами, так сказать, с высоты птичьего полета, для того чтобы видеть не только то, что вы предпринимаете, но и то, как вы исполняете ваши задачи. В моих глазах вы – открытая книга, мистер Картер.

– Очень рад слышать это.

– Я знал, что вы получите письмо от Иереми Стоуна, призвавшее вас сюда, знал я также его содержание. Я знал точно, когда именно вы выехали в Канзас-Сити и с каким именно поездом. Я знал день и час вашего прибытия сюда, знал, что в одном поезде с вами едут два ваших помощника. Я знал, что эти многообещающие юноши вышли из вагона с другого его конца. Сумел я также подслушать разговор ваш с Иеремией Стоуном. Знаю я также, что вы в костюме рабочего отправились на товарный вокзал и разговаривали там с надсмотрщиком Вильямом Дурландом, чтобы выпытать у него все, что было можно. Я знаю, где вы проживаете, как вы ни старались скрыть свое местопребывание.

– Действительно, должен сознаться, вы в курсе того, что я делаю, – согласился Ник Картер, – но вы должны согласиться, что вы могли узнать обо всем этом только уже после того, как оно произошло, а не раньше, а последнее было бы, несомненно, более важно для вас.

– Я знаю дальше, – продолжал доктор, как бы не расслышав замечания Ника, – что вы сегодня совещались с начальником полиции и заявили ему о вашем намерении побывать у меня. Я знаю, что ваши помощники Тен-Итси и Патси в настоящее время находятся здесь, в городе, и получили от вас определенные поручения. Я даже знаю сущность этих поручений, я знаю также то, что делает теперь ваш первый помощник и двоюродный брат Дик... Но для чего мне говорить вам обо всем этом? Я часто знаю ваши движения еще раньше, чем вы их сделаете. Посмотрите на меня, мистер Картер.

– Это я и без того делаю, доктор.

– Я сказал вам, что я брат того доктора Кварца, которого вы когда-то знали. Может быть, это так и есть, а может быть, я тот самый человек, который восстал из гроба, чтобы добиться вашей гибели.

Ник искренне рассмеялся.

– Вы ведь и сами не ожидали, что я поверю такой ерунде, – возразил он.

– Я вообще не ожидаю, чтобы вы поверили мне в чем-нибудь, да это и совершенно безразлично для меня. Но дальше. У вас теперь в кармане лежит футляр из красного бархата, а в нем белый воск, и вы желали бы, чтобы я сделал на этом воске оттиск пальца моей левой руки. Позвольте мне футляр, и я охотно исполню ваше желание. Удивляет ли вас то, что мне известно ваше намерение?

– Действительно, это меня поражает, – откровенно сказал сыщик.

– Вы рассчитывали на то, что ваше требование озадачит меня настолько, что в течение хотя бы одной секунды я потеряю присутствие духа. Вы надеялись на то, что я потеряю самообладание настолько, что вы сумеете в чертах моего лица прочесть мои истинные ощущения. Но, как вы видите, я был подготовлен к вашему требованию. Милейший мистер Картер, я изучал вас и вашу систему в течение десяти лет не для того, чтобы вы могли так просто застать меня врасплох.

– Это понятно, – проворчал Ник Картер, лишь бы что-нибудь сказать.

– Вы хотите иметь этот оттиск пальца, чтобы иметь возможность установить, согласуется ли он с оттиском, найденным вами на бархатной обивке стенок вагона. Так вот, мистер Картер, тот оттиск сделан мною. Так как здесь нет свидетелей, то я могу признать это и еще многое другое без всякой опасности для себя, ибо вы не сможете воспользоваться признанием, сделанным вам с глаза на глаз. Если же вы все-таки подумали бы им воспользоваться, то я просто-напросто буду отказываться. Перед лицом суда мои показания имеют ту же цену, что и ваши, это вам хорошо известно. Для того чтобы меня уличить, вам придется раздобыть фактические доказательства, а это вам никогда не удастся. Вы видите, Картер, я смеюсь над вами. Я совершил столько преступлений, что заслужил сторицей смертную казнь, больше, чем нужно для того, чтобы быть посаженным на все электрические стулья в мире. Я совершил злодеяния, каких не совершал ни один преступник, когда-либо живший. Все это буквально соответствует истине, но вы ничего не сможете доказать – ни сегодня, ни когда бы то ни было. Я говорю с вами столь откровенно именно потому, что я смеюсь над вами.

– Позвольте курить? – спросил Ник, откинувшись в кресле и вынимая сигару.

– Конечно. Можно предложить вам одну из своих свежих импортированных?

– Нет, покорно благодарю. Я как-то раз выкурил сигару вашего уважаемого предшественника и проснулся уже по истечении нескольких часов, так что больше доверяю моим собственным.

Доктор Кварц улыбнулся.

– Неужели вы думаете, Картер, – возразил он, – что, если бы я хотел заставить вас лишиться сознания, я не сумел бы сделать это уже давно, не поднимаясь со стула? Неужели вы считаете меня таким неопытным, что я стал бы пользоваться столь устарелым средством, как отравленная сигара?

– А я полагаю, что вам все-таки это не так бы легко удалось.

– Позвольте вам доказать, что это было бы для меня весьма легко. Будьте любезны подняться на минутку. Не беспокойтесь, даю вам слово, что я не двинусь с места. Я хочу только убедить вас.

Ник невольно встал.

– Ну так вот, – продолжал доктор, – вы помните, что во время нашего разговора вы опирались рукой на ручку кресла? Кладя вашу руку на это место, вы преследовали двойную цель: во-первых, вы хотели сидеть удобно, а во-вторых, такое положение давало вам возможность вскочить немедленно в случае опасности. Прав ли я?

– Вполне.

– Так вот, будьте добры посмотреть теперь на ручки кресел, и вы увидите, что из каждой поднимается по длинной острой стальной игле. Вы видите?

– Конечно, я вижу эти иглы.

– Я вывел их наружу, просто надавив на пружину, находящуюся в моем стуле. Если бы я надавил на эту пружину, пока вы сидели еще на стуле, то иглы вонзились бы в мякоть вашей руки и заставили бы вас лишиться сознания еще прежде, чем вы нашли бы время вздохнуть. Предположим, однако, – продолжал доктор, – что ваши руки находились бы не в том положении, которое необходимо, чтобы привести иглы в действие. Тогда я простым нажатием другой пружины заставил бы выйти другие иглы из других мест стула. Будьте любезны убедиться, что теперь высовывается по две иглы из сиденья и из спинки стула; равным образом я сумел бы ранить вас в голову, если бы захотел сделать это. Вы видите эту иглу? Вы понимаете, что вы всецело были в моей власти, отнюдь не подозревая этого?

Сыщик только молча кивнул.

– Отлично. Эти иглы, конечно, пустотелы и содержат очень сильный яд. Такое впрыскивание не смертельно, а только моментально вызывает глубокий обморок. Теперь вы поймете, что вы спокойно могли выкурить одну из моих действительно хороших сигар, не подвергаясь опасности лишиться сознания.

– Совершенно верно.

– Пожалуйста, садитесь теперь, мистер Картер. Вы видите, иглы опять исчезли, и я вовсе не намерен испытывать на вас их действие.

– С вашего позволения я позволю себе выбрать другой стул, – спокойно сказал Ник.

– Как вам будет угодно. Может быть, вам угодно сесть на мой стул?

Доктор при этом улыбался так насмешливо, что сыщик с наслаждением схватил бы его за глотку. Но он взял другой стул, повернул его, чтобы убедиться, не находится ли он в какой-нибудь связи с полом, а потом сел.

– Полагаю, этот стул мне подойдет, – начал Ник, – мы остановились как раз на том, когда вы собирались рассказать мне весьма поучительные подробности из вашей преступной карьеры.

– Я совершенно не намерен распространяться об этом, – ответил доктор Кварц, – я не так великодушен. Мое единственное желание состоит в том, чтобы доказать вам, что вы в моих руках беспомощнее годовалого ребенка, что я имею возможность когда и где мне заблагорассудится вычеркнуть вас из списка живых так же легко, как я уничтожил бы паутину на стене. Когда английское правительство выстроило Гибралтар, оно желало создать неприступную крепость, и это ему удалось. Когда я готовился к борьбе с вами, мистер Картер, я задался той же целью. Вы находитесь в моих руках приблизительно уже десять лет, и при этом вы ничего еще не знали о моем существовании. Неужели вы думаете, что я потратил бы десять лет моей жизни на то, чтобы только устранить вас безболезненно, вроде как бы убивая муху? О нет, мистер Картер, вы доставите мне еще не одно удовольствие. Надеюсь, я не утомляю вас своим разговором?

– Конечно нет, напротив, я очень хорошо провожу время. Вы очень умно болтаете, доктор.

– В самом деле? Очень рад! Итак, давайте продолжать. Вы намереваетесь меня уличить, арестовать и подвести меня под суд за убийство пяти человек, забальзамированные трупы которых были найдены в товарном вагоне, находящемся теперь в музее Иеремии Стоуна. Верно ли мое предположение?

– Будьте в этом уверены, доктор.

– Благодарю вас. Мэр города дал начальнику полиции поручение заручиться вашим содействием, и вы приняли это предложение. Соответствует ли это истинному положению вещей?

– Вполне.

– Вы высказали начальнику полиции ваше мнение, согласно которому тайна убийств в товарном вагоне могла исходить только от Кварца и что, по меньшей мере, я посвящен в совершенное преступление. Так вот, Картер, я вовсе не хочу сказать, что я действительно совершил те преступления, в которых вы меня обвиняете. Но, во всяком случае, я мог бы дать вам всестороннее описание истории этого происшествия, если бы имел такое желание. После того как я признал это, что вы полагаете предпринять?

– Я возьмусь за это дело, и прежде чем я приду к концу моей задачи, я заставлю вас признаться во всех ваших преступлениях.

– Да что вы говорите! – рассмеялся доктор Кварц, весело потирая руки. – Вы мне нравитесь, Картер. Вы не поверите, как мне приятно слышать такие речи от вас. Теперь мы понимаем друг друга. На самом деле, Картер, я не надеялся, что вы будете так откровенны со мной.

– Ведь не воображаете же вы, что я боюсь вас? – презрительно воскликнул Картер.

– Я не поставил бы вам этого в вину, так как вы еще научитесь трепетать предо мною, прежде чем мы покончим наши счеты. Но тем более меня радует, что вы готовы занять то место, которое я вам предназначил.

– Какое такое место? – весело спросил сыщик.

– Что за ребяческий вопрос! Мы ведь открыто объявили друг другу войну! А теперь мы стоим друг против друга в открытой вражде, причем мы одинаково вооружены.

– Как это понять?

– Видите ли, я воображаю себе, что я величайший и гениальнейший преступник в мире, а вы преданы мании величия, по которой вы являетесь величайшим и счастливейшим сыщиком на земле.

– Лучше не занимайтесь моим воображением, доктор, а продолжайте.

– С удовольствием. Скажите пожалуйста, Картер, вы когда-нибудь видели, как кошка играет с мышью?

– Очень часто.

– Если пойманная мышь осталась невредимой или лишь легко пораненной, то кошка со своей пленницей отправляется на открытое место и потом как бы выпускает мышь на свободу и смотрит, как та пытается незаметно улизнуть. И когда мышь уже думает, что она спасена, кошка ее схватывает, тащит обратно и снова выпускает – причем эта жестокая игра повторяется, пока она не надоест кошке. Последняя великодушно пожирает мышь. Не правда ли, вы часто видели это? Так вот, в данном случае я представляю собой кошку, а вы, милейший Картер, мышь. Теперь я начинаю играть вами. Для того чтобы делать это успешно, я и изучал вас все эти годы. Мы сходимся на открытом месте, но только я сильнее вас, так как я много лучше подготовлен к этой борьбе.

– Не сомневаюсь в том, что вы действительно воображаете это.

– Нет, милейший Картер, я не только воображаю это, я знаю это.

– Вы настоящий Кварц, и у вас та же ахиллесова пята, как и у вашего предшественника, – сердито ухмыляясь, заметил Ник Картер.

– Вы хотите сказать, что я страдаю манией величия и преступным тщеславием того, первого доктора Кварца? – гласил поразительный ответ. – Нет, милейший мистер Картер, тут вы очень ошибаетесь и далеко не в свою пользу. Я просто сознаю свое превосходство. Вы позволили мне сознаться вам, что я действительно тот преступник, за которого вы меня принимаете. Но, к вашему громадному разочарованию, вы должны будете убедиться, что я представляю собой неприступную Гибралтарскую скалу, а вы – бедного самодура, который разбивает себе череп об эту скалу.

Сыщик только улыбнулся, не отвечая ничего.

– Оглянитесь, Картер! Я вижу, что мне придется предъявить вам еще несколько доказательств моего могущества, чтобы убедить вас. Вы видите ту открытую дверь, через которую вы давеча вошли в комнату? Она находится от вас на расстоянии приблизительно двенадцати футов, не так ли?

– Приблизительно так.

– Несомненно, вы полагаете, что для вас не будет трудно дойти от вашего места до двери, прежде чем успеют ее закрыть. Пожалуйста, попытайтесь это сделать.

Ник нетерпеливо пожал плечами.

Он еще смотрел на дверь, как вдруг выдвинулись две стальные двери, очевидно скрывавшиеся в стене, и закрыли выход, так что находившиеся в комнате были заперты в ней. Когда сыщик невольно в изумлении посмотрел на доктора, обе двери опять отодвинулись и выход опять открылся.

– Вы видели? – улыбаясь, спросил доктор Кварц.

– Конечно, ведь я не слепой.

– И что же, мистер Картер, вы ведь не думаете, что успеете выйти из комнаты, прежде чем я закрою выход?

– Вероятно, не успею, – гласил холодный ответ.

– Как вы нехотя соглашаетесь с этим, между тем как тут ведь факт налицо. Милейший Картер, вот эти иглы и те двери представляют собой только две ловушки, а я таких ловушек наготовил множество для нашего торжественного приема.

– Ничуть не сомневаюсь в этом.

– А сам этот дом – только один из многих, в которых вас ожидают такие же точно сюрпризы. Вы, конечно, не будете настаивать на том, чтобы я указал вам месторасположение этих домов.

– Меня крайне интересует, почему вы, собственно, оборудовали все эти штуки. Ведь вы, должно быть, потратили на это много времени и труда?

– Неужели вас интересует обогатиться познаниями в этом отношении?

– Конечно.

– Тогда слушайте же. В водах Тихого океана я владею маленьким островком, куда я когда-нибудь удалюсь, для того чтобы провести остаток моих дней в непрерывных занятиях наукой при помощи моих книг и аппаратов. Мой конек – это вивисекция человеческих тел. Вы знаете, в чем тут дело: такая жертва науки приводится в беспомощное состояние, а затем с него сдирается кожа, потом обнажаются жилы, снимаются мускулы за мускулами с трепещущего тела, и таким образом операция продолжается, пока обнаружится внутренняя жизнь тела, причем последнее еще живет. Круговорот крови и деятельность сердца должны оставаться в действии, иначе опыт должен считаться неудавшимся. Я уже населил мой маленький островок своими будущими подданными, и вы не можете себе представить, милейший Картер, каким великолепным местопребыванием будет для меня этот остров. После, когда-нибудь, прежде чем я с вами покончу, я, пожалуй, расскажу вам об этом еще что-нибудь. А на сегодня будет с вас и

того, если вы узнаете, что я отправлюсь на тот остров, после того как я покончу с делом Ника Картера. Вы видите, мистер Картер, я дал обет, что за каждый час мучений, доставленных вами моему предшественнику, я заставлю вас страдать в тысячу раз больше. Я дал обет, что вы лишитесь всего, что вам дорого и мило. Прежде всего вы лишитесь славы и почета, потом вы потеряете ваше состояние, ваших друзей, а потом и вашу честь. Я дал обет, что все те, которых вы больше всего любите, будут оторваны от вас один за другим и что трупы ваших помощников, а за ними и тело вашей двоюродной сестры Иды будут отправлены в какой-нибудь музей наподобие пяти трупов в товарном вагоне. Чтобы увенчать мое дело, я заставлю вас, Ник Картер, служить мне живым объектом для вивисекции в качестве второй жертвы. Вы обожаете одну женщину, ее зовут Кармен. Так вот, она в качестве первой жертвы будет подвергнута вивисекции на ваших глазах.

Раздосадованный Ник Картер вскочил со своего места, как бы собираясь кинуться на дьявольски улыбающегося доктора. Но в ту же секунду кресло, на котором он сидел, приподнялось под ним, как будто весом его тела была выключена какая-то скрытая пружина, пришедшая теперь в действие. Вместе с тем Ник Картер почувствовал, как острые иглы вонзаются в его тело. Он закачался, пошатнулся и в следующую секунду свалился без сознания.

* * *

Когда Ник Картер открыл глаза, он с изумлением увидел, что находится в той комнате, которую он нанял после своего прибытия в Канзас-Сити, хотя он тщательно старался скрыть свое местопребывание.

Он пытался приподняться, но безуспешно, и снова упал назад. Он понял, что страдает еще от последствий наркотического средства, столь ехидным способом привитого ему в доме того демона. Его собственная квартира была расположена на расстоянии не менее двух миль от дома доктора Кварца. Сюда его принесли, очевидно, еще в то время, когда он был без сознания. С трудом он стал вспоминать все то, что произошло и что им было пережито в течение последних часов.

«Что за отъявленный негодяй, – думал он, с нетерпением выжидая момента возврата всех телесных сил, – сомневаюсь, чтобы в той гостиной находилась хотя бы одна вещь, которая не была бы снабжена ловушками и западнями для ничего не подозревающих посетителей. Садясь на стул, я, очевидно, включил какую-нибудь тайную пружину, и стул должен был подняться подо мной, как только я встал. Право, это довольно интересный опыт. Как ни воображаешь себя умным, опытным и знающим, все-таки наталкиваешься на случаи, где снова приходится дорого платить за науку. К счастью, нет ничего плохого, что не имело бы и хорошей стороны. Теперь я, по крайней мере, знаю, как мне понимать этого доктора Кварца. Этот человек не произносит хвастливых угроз. Каждое сказанное им слово он может подтвердить фактами, и я охотно верю, что он внимательно следил за мной и моей деятельностью. Почему же и нет? На его месте я вряд ли стал бы поступать иначе, и, во всяком случае, его образ действий соответствует в точности тому методу, который был бы применен проклятой памяти доктором Кварцем. Что мне думать о всем том, что мне наболтал этот мерзавец? Он говорит, что потратил десять лет своей жизни на то, чтобы изучить меня и мои привычки, причем он умел держаться в стороне, да так хитро и умно, что я все это время и не подозревал о его существовании. Кажется невероятным, чтобы какой-либо человек был способен на это, да и я сам назвал бы это басней, если бы я не знал, что люди кварцевского склада действуют основательно и обдуманно. Несомненно, он в эти годы жил поблизости от меня, но старался не навлечь на себя моего внимания. Он, несомненно, располагает громадными средствами и наверняка содержит целую армию сыщиков, которым вменено в обязанность тщательно следить за всеми моими действиями и мероприятиями. И вот теперь я понимаю, почему именно за последние годы

происходило много такого, что влияло на мои планы, и почему оказывались препятствия на моем пути там, где я их меньше всего ожидал. Часто уже у меня возникала мысль, что у меня есть могущественный враг, которому доставляет удовольствие препятствовать мне и вырывать у меня плоды моей деятельности. А теперь я знаю, что такой враг у меня есть – и это не кто иной, как доктор Кварц. За десять лет он мог многое подготовить и сделать. Во всех городах мира он мог нанять шпионов, служащих в самой полиции и доносящих ему о всех секретах власти, о всех ее мероприятиях и действиях. Его подчиненные сидят, вероятно, также в конторах больших торговых домов. Везде и всюду он содержит постоянную армию соглядатаев, повинующихся каждому его знаку. Словом, он мог добиться чуть ли не всемогущества. Теперь, по истечении десяти лет, он считает себя достаточно сильным, чтобы не только объявить мне войну открыто, но и победить меня. Я понимаю – поражение его брата должно быть ужасно отомщено, причем он хочет исполнить этот акт мести всенародно. Он осмеливается с глазу на глаз со мной рисоваться стократным преступником, и только для того, чтобы высмеять меня. Он осмеливается впустить меня в свой дом и там демонстрировать мне свое могущество, сидя напротив меня и весело улыбаясь. На это способен только доктор Кварц. Он осмеливается лишить меня сознания в конце нашей беседы и осмеливается доставить меня на мою квартиру только для того, чтобы еще раз показать свое могущество. На это опять-таки способен только доктор Кварц. Хладнокровно он признается мне, что он во сто крат хуже и преступнее, чем предполагал даже я, он почти сознается в убийстве в товарном вагоне – он доказывает свою способность разузнавать мои сокровеннейшие тайны. Во всяком случае, верно то, что в открытой борьбе я не смогу победить этого доктора Кварца. Для этого он слишком осторожен и располагает слишком большими оборонительными средствами. Я должен его побить его же собственным оружием... А это что такое?»

Нику Картеру удалось немного приподняться на постели, на которой он лежал, и он увидел на столе исписанный лист бумаги.

– Кварц оставил мне письмо, следуя примеру своего страшного предшественника, – пробормотал сыщик.

Одним движением он вытянулся и сейчас же встал на ноги. Сразу почувствовал, как к нему вернулось его обычное спокойствие. Он вполне оправился, и одурманивающие последствия привитого ему яда исчезли.

Он подошел к столу и взял в руку лист бумаги. Это действительно было письмо доктора Кварца.

Оно было написано красиво и казалось литографированным. Содержание письма было следующее:

«Милейший Картер!

Вы полагаете, что у меня та же ахиллесова пята, как у того человека, о котором мы с Вами беседовали. Если наш общий знакомый имел слабость, то, безусловно, она состояла в том, что он писал слишком много писем. Несмотря на это, я осмеливаюсь писать Вам и вместе с тем разрешаю Вам извлечь из моего поступка те выгоды, которых Вы можете достигнуть при Вашей изумительной ловкости. Вы имели несчастье упасть в обморок в моем доме, а потому я оказал Вам дружескую услугу проводить Вас до Вашей квартиры, где Вы будете пользоваться тем уходом, который, по-видимому, Вам необходим. Надеюсь, что Вы оправитесь вполне к тому времени, когда прочитаете эти строки. Я, конечно, вполне сознаю, что Вы от души желали бы, чтобы я проболтался в этом письме, что могло бы оказать Вам известную услугу впоследствии. Но я не намерен делать этого. Мое сегодняшнее письмо, скорее, преследует цель лишний раз доказать Вам мой интерес к Вам и повторить мое обещание, что ни одна малейшая тайна в Вашей жизни и деятельности не останется нераскрытой. Когда я исполню долг, еще задерживающий меня здесь, и приготовлюсь к отъезду на тот восхитительный остров в Тихом океане, о

прелестях которого я дал Вам слабое описание, тогда я надеюсь иметь удовольствие видеть Вас своим спутником, причем Вы не откажете мне в Вашем ценном содействии при моих научных опытах. Я состою в тесной связи с наукой, милейший Картер, а ее высшим наслаждением является изучение человеческой природы на самом человеке, правда, не совсем безболезненное. Возможно, что Ваши умственные способности позволят Вам читать между строк, по крайней мере я так думаю. Тем временем я надеюсь не менее твердо, что Ваш милый молодой помощник Патси, если только Вы его когда-нибудь еще увидите, даст Вам новое доказательство того, что я существую и на что я способен. Мне не нужно подписывать это письмо, так как Вы и без того знаете, от кого оно исходит».

Ник Картер, наморщив лоб, положил письмо обратно на стол.

«Что это опять значит? Что этот дьявол хочет сказать своим намеком на Патси?» – спрашивал себя сыщик.

Он посмотрел на часы и испустил крик крайнего удивления. Он быстро подошел к окну, отодвинул занавеску и посмотрел на улицу.

– Боже праведный, – бормотал он, – я пролежал без сознания несколько часов. Теперь уже настало утро. Прошло часов пятнадцать, пожалуй, даже больше, с тех пор как меня ранил тот подлый стул. Когда я лишился сознания в комнате этого дьявола-доктора, было около девяти часов вечера, а теперь уже полдень.

Он отошел от окна и озабоченно осмотрел комнату.

«Патси должен был зайти ко мне на квартиру в полночь, – подумал он, – а имя его в этом письме может иметь только одно значение! Боже мой, это чудовище взяло в плен бедного Патси, и он теперь находится в его власти! Когда я свалился без сознания, Кварц доставил меня сюда, потом он выждал прихода Патси. Конечно! Я вижу это все совершенно ясно! Патси пришел в то время, когда преступник находился здесь, и, пока я лежал без сознания на постели в беспомощном состоянии, Кварцу не стоило большого труда завладеть юношей!»

К сыщику тем временем вернулись его обычная сила и способность размышлять. Очувтившись лицом к лицу с неожиданными и грозными фактами, он сразу занялся ими всецело.

Он прежде всего вышел из комнаты, сошел с лестницы и открыл парадную дверь. Это он сделал для того, чтобы посмотреть, заходил ли Патси наверх в квартиру и оставил ли он в дверях условленный еле заметный знак, по которому сыщик узнавал о его приходе и уходе.

Одним взглядом Ник Картер убедился, что Тен-Итси не заходил в квартиру, зато на дверях находился знак Патси: число «12», из которого сыщик усмотрел, что его молодой помощник вошел в дом в полночь. Если бы Патси обычным путем вышел потом из дома, то число «12» было бы зачеркнуто и рядом с ним помечен час ухода. Патси писал красным, а Тен-Итси зеленым мелом.

«Так и есть, Патси вошел в дом в полночь и не мог написать условленный знак, когда оставил дом, – мелькнуло в голове сыщика, – это теперь ясно. Мне остается посмотреть, удалось ли Патси оставить после себя какое-нибудь указание на то, что именно произошло наверху в квартире».

Он поспешно вернулся в свою квартиру.

В самой квартире все, по-видимому, было в полном порядке, хотя сыщик ни на минуту не сомневался, что доктор Кварц успел подвергнуть все подробному осмотру, причем от его внимания не мог бы ускользнуть ни малейший кусочек бумаги.

В течение довольно долгого промежутка времени сыщик отыскивал какой-нибудь след, могущий быть оставленным его помощником. Наконец он открыл этот след, да такой, который делал честь остроумию молодого человека.

Очевидно, Патси был связан и положен на ту же постель, на которой лежал в бессознательном состоянии и сам Ник Картер. Для того чтобы оставить после себя след, Патси, по-

видимому, разорвал себе кожу пальца о какой-нибудь железный гвоздь и написал собственной кровью на белой стене за постелью краткую, но многозначительную весть. Она гласила: «Я во власти Кварца!»

Это было все, но этого было достаточно.

* * *

Когда на ратуше Канзас-Сити часы пробили полночь, за углом здания, стоявшего от жилища доктора Кварца на три дома, показались две фигуры.

– Пока все обошлось благополучно, – слышался голос Ника Картера, – вперед, Тен-Итси, но будь безмолвен как могила.

Они с изумительной ловкостью начали карабкаться вверх по громоотводу на крышу. Взобравшись наверх, они юркнули возможно бесшумно и осторожно по крышам и наконец оставились в тени громадной печной трубы на крыше дома доктора Кварца.

– Вот там я уже вижу световое окно над его вестибюлем, – шепнул Ник Картер своему спутнику.

Рядом с этим окном в одной с ним плоскости была устроена спускная дверь, через которую по лестнице можно было с крыши спуститься в дом.

Ник Картер осторожно подполз к спускной двери и попробовал ее открыть. Но она не поддавалась никаким усилиям.

– Заперта изнутри, – шепнул сыщик, – дай-ка инструменты, Тен.

Тен-Итси снял с плеча кожаную сумку, из которой он передал своему начальнику бурав. Ник Картер начал работать и быстро просверлил отверстие в железе, пробуравив также нижнюю деревянную обшивку. Таким образом он просверлил отверстие за отверстием, одно близко возле другого, пока сыщику в конце концов удалось острым инструментом вытащить оставшиеся части. Благодаря этому образовалось большое отверстие, достаточно широкое, чтобы пропустить руку. Сыщик просунул руку, и ему удалось нащупать засов и бесшумно его отодвинуть. Затем Ник Картер приподнялся.

– Готово, – шепнул он своему помощнику, – а теперь, Тен-Итси, я подниму спускную дверь и спущусь вниз. А ты останешься здесь, на крыше.

– Не могу ли я вас проводить туда, начальник?

– Нет, ты подожди здесь, ты тогда лучше всего сумеешь оказать мне содействие. Нельзя знать, может быть, в эту минуту по всему дому раздаются тревожные звонки, извещающие доктора Кварца о том, что теперь происходит на крыше. Если он услышал тревогу, то он меня уже ожидает внизу, и я не хочу, чтобы он поймал нас обоих, хотя я на этот раз не дамся ему так легко в руки.

– А что мне тем временем делать здесь, на крыше, начальник?

– Ожидать. Спокойно ожидать и слушать, что произойдет.

– И если я услышу шум или что-нибудь в этом роде?

– Прислушивайся как только можешь внимательнее. Если ты услышишь, что я крикну «доктор», то сейчас же сойди мне на помощь. Если же я крикну «Кварц», то как можно скорее беги к начальнику полиции и попроси его немедленно прийти сюда. Если же ты ничего не услышишь, то подождешь здесь час и потом тоже отправишься к начальнику полиции. Приведи его сюда и побуди его обыскать каждый уголок в этом доме. Если я через час не появлюсь, то для обыска будет достаточно много оснований.

С этими словами Ник Картер поднял дверь и осторожно спустился вниз. Он сошел по лестнице вниз, там стал прислушиваться и убедился, что его приход остался незамеченным, а затем вынул свой электрический фонарь и надавил на кнопку.

При ярком свете фонаря сыщик увидел, что находится в каком-то шкафообразном помещении, еле вмещавшем лестницу. Прямо перед ним находилась дверь. Легким нажатием на ручку он убедился, что она заперта.

Сыщик умел без труда открывать всякие замки и в этом отношении мог соперничать с самым искусным слесарем. Для таких целей у него имелась изготовленная им самим переставляемая отмычка. Через несколько секунд этот великолепный маленький инструмент выполнил свой долг, и дверь была открыта.

Ник Картер бесшумно закрыл за собой дверь и вышел в верхний коридор дома, погасив предварительно свой фонарь.

Таким образом, Ник Картер в полночное время очутился в доме своего смертельного врага. Больше того, он успел уже спуститься с крыши в верхний коридор, и теперь он сознавал, что представляется возможность раскрыть некоторые тайны этого загадочного дома.

Осторожность не позволяла ему пользоваться карманным фонарем, так как один-единственный луч мог погубить его. Ввиду этого он передвигался в темноте, ощупью искал направление по перилам лестницы, принимая всевозможные меры, чтобы избежать какого бы то ни было шума.

У Ника Картера были удивительно зоркие глаза, не отказывавшие ему и ночью. Там, где другие чувствовали себя в непроницаемой тьме, он видел достаточно ясно, чтобы найти дорогу. А кроме того, из верхнего светового окна внутрь дома падал легкий сумрачный свет.

Таким образом, Ник Картер увидел, что в верхний коридор вели четыре двери, выходившие, по-видимому, из стольких же комнат.

Он нажал на все четыре ручки дверей. Оказалось, что двери были не заперты, а комнаты пустовали.

Ник Картер, убедившись в том, что на верхнем этаже искать было нечего, подкрался обратно к лестнице и по ее покрытым ковром ступенькам неслышно спустился на нижний этаж.

Он тотчас же увидал, что здесь комнаты были расположены иначе.

В нижнем коридоре горел спущенный газовый рожок, распространявший достаточно света для того, чтобы дать сыщику возможность хорошо оглядеться.

Он опять остановился и стал прислушиваться. В доме все было тихо, однако сыщик заметил, что в одной из комнат того этажа, на котором он теперь находился, горел свет – он проходил через нижнюю щель в двери.

Но когда Ник Картер приблизился к двери, он вдруг расслышал бормотание голосов. Оно было настолько неясно и расплывчато, что сыщик, несмотря на хороший слух, не мог установить, были ли то мужские или женские голоса.

Он опустился на четвереньки и приложил ухо к нижней щели в двери.

И сразу он испытал восторженную радость, так как по звуку голоса он сейчас же узнал своего молодого помощника Патси, хотя и не мог разобрать ни одного слова из того, что говорил юноша.

Сыщик бесшумно привстал и тщательно рассмотрел дверь, у которой он стоял.

Ему сразу бросилось в глаза, что дверь отворялась не внутрь, а в противоположном направлении, то есть в коридор. Это было особое устройство, отличавшееся от обычных строительных правил в Америке. Кроме того, Ник Картер заметил, что дверь снабжена железными засовами.

С крайней осторожностью, дабы не возбудить внимания находившихся в комнате лиц – ведь можно было предположить, что там находится и доктор Кварц, – Ник Картер отодвинул железные засовы. Это оказалось легче, чем он предполагал. Засовы были хорошо смазаны и, вероятно, часто передвигались, так как отошли свободно и совершенно бесшумно.

Ник Картер как только мог осторожнее немного приоткрыл дверь, чтобы заглянуть в освещенную комнату, не будучи замеченным находящимися в ней лицами.

Сыщик сейчас же увидел, что он далеко еще не вошел в комнату, так как за открытой им дверью была расположена еще другая дверь, сооруженная из массивных железных прутьев наподобие решетчатых дверей в американских тюрьмах.

Он взглянул внутрь комнаты. В ней находились два человека, прикованные к продольным стенам друг против друга таким образом, что могли смотреть один другому в лицо.

В одном из этих лиц Ник узнал своего помощника Патси.

А другое... Глаза сыщика при виде этого лица чуть не затуманились, так как он готов был поклясться, что это была та же дивно красивая молодая женщина, воскресшая к новой жизни, которую он видел распростертой на постели в товарном вагоне, мертвой и забальзамированной, с кинжалом в груди.

Ни Патси, ни молодая женщина – а ей, по-видимому, было не более двадцати лет – ничего не подозревали о близости сыщика. Последний не осмеливался дать им знать о себе, не убедившись предварительно, что, кроме двух пленников, никто не может его услышать.

Железная дверь была массивной работы и плотно заперта. Это Ник Картер увидел по первому же взгляду, причем сознавая, что даже ему будет нелегко открыть эту решетку.

Он уже собрался уйти, чтобы продолжать осмотр дома, так как он ни за что не хотел допустить возможности быть не вовремя наступленным в доме до освобождения Патси, как вдруг услышал, что молодая девушка заговорила:

– Я надеюсь, вы будете мужественно смотреть опасности в глаза!

– Полагаю, мне придется страдать меньше, чем вам, – ответил Патси, – я предпочту вынести на себе всевозможные мучения, чем беспомощно смотреть, как другого человека терзают и пытаются.

Ник Картер ясно разглядел в слабо освещенной комнате, как девушка печально взглянула на молодого человека.

– До сего времени, – сказала она, – я присутствовала еще не на многих пытках, хотя он заявил, что мне придется скоро пройти и это испытание. Он исходит из того положения, что может заставить даже самого нежного и мягкого человека отупеть настолько, что тот будет видеть страдания других, не испытывая решительно ровно ничего, что даже самые ужасные и страшные сцены, которые могут быть придуманы лишь дьявольской фантазией, не произведут никакого впечатления и не вызовут даже сердцебиения, не говоря уже о чувстве сожаления или сострадания. Правда, я еще не видела, как он пытал кого-нибудь так ужасно, как он собирается сделать это с вами, если верить его клятве. Надеюсь, он не заставит меня смотреть на все это до конца.

– Давно ли вы уже находитесь в этом ужасном доме?

– Не знаю. Понятия о времени и пространстве исчезли из моей памяти, и я ничего не могу вспомнить. Либо меня одурманивают, либо я живу в тисках какого-то властного гипнотического внушения.

– Но ведь вы разговариваете так разумно, – ответил Патси, – что я не могу себе и представить, чтобы ваши умственные способности пострадали столь сильно.

– Умственные способности я пока сохранила, хотя живу как бы во сне и все кажется мне как бы несуществующим. Чтобы объяснить вам это, скажу, что мною овладела из-за вас большая печаль, но это не страх, который, быть может, я испытывала раньше, когда еще не была в этом доме. Доктор Кварц говорит, что я представляю собою наилучший объект для опытов, когда-либо ему попадавшийся в руки, и что я должна считать себя счастливой, потому что могу много сделать для науки.

Ник Картер ясно заметил, как его молодой помощник задрожал. Он уже опять собирался уйти, как услышал вопрос Патси:

– А скоро ли он возвратится?

– Он сказал, что оставит нас вместе на один час. С тех пор наверно прошло уже около получаса.

– Я думаю, больше, срок, наверно, уже истек, – с дрожью в голосе возразил Патси.

Как бы в подтверждение этого замечания Ник Картер в этот момент услышал на самом нижнем этаже шум приближающихся шагов.

Сыщик немедленно закрыл наружную дверь, привел в порядок засовы и быстро скользнул на лестницу, ведущую на верхний этаж, чтобы не быть замеченным приближавшимся лицом.

Едва только он успел скрыться, как услышал, что шаги приближаются к двери комнаты, в которой находились пленники.

В коридоре было достаточно светло, и Ник Картер узнал доктора.

Почти не сознавая, что делает, как бы повинаясь повелению свыше, Ник Картер вынул револьвер и прицелился в это чудовище. Он решил прервать дальнейшую преступную карьеру этого демонического человека. Но его благородство не позволило ему выстрелить в человека, сидя в засаде, как бы преступен тот ни был. Поэтому он в нерешительности опустил руку с револьвером и стал зорко наблюдать за доктором.

Доктор Кварц отодвинул засовы наружных дверей, открыл их, затем отпер решетчатую дверь, отодвинул ее и вошел в помещение, служившее тюрьмой.

Он и не подумал запереть ту или другую дверь, через которые он вошел, а оставил их открытыми, прошел до середины комнаты и там остановился между двумя пленниками.

Он остановился совершенно неподвижно и смотрел то на девушку, то на юношу с таким выражением в лице и глазах, которого сыщик совершенно не знал за ним и которое привело его в ужас.

«Он имеет вид лунатика, собирающегося совершить преступление, о котором душа его ничего и не знает», – подумал сыщик.

Он наклонился вперед, чтобы лучше видеть, что будет делать его смертельный враг.

Лицо доктора было бледно как смерть. Кровь, казалось, совершенно ушла из лица, а выражение последнего по мертвенности напоминало лицо покойника. Глаза его были безжизненны и как бы механически перебегали от одного пленника к другому, по-видимому не замечая их присутствия.

«Возможно, – подумал Ник Картер, – что этот человек представляет собою жертву какой-нибудь отвратительной страсти. Может быть, он морфинист или курильщик опиума? На то похоже, и, кажется, теперь он находится под действием одного из этих наркотических средств. Несомненно, он не в полном сознании».

На устах доктора теперь уже не играла та насмешливая улыбка, которая обыкновенно не сходила с его лица. Его обычно красные губы обнажали теперь десны, причем они были грязновато-серого цвета.

Ник Картер все больше недоумевал, так как тот человек, который стоял там посередине комнаты, совершенно не был похож на того, которого видел перед собой сыщик.

Глаза ужасного доктора все еще переходили от девушки к юноше и обратно, причем, однако, жалкий вид пленников, способный возбудить сожаление даже у бесчувственного камня, не вызывал никакого изменения в его лице.

К крайнему своему изумлению, Ник Картер услышал, как молодая девушка, невзирая на присутствие своего мучителя, заговорила.

– Мы можем спокойно продолжать разговор, – обратилась она к Патси, – он нам не будет препятствовать, и даже если услышит нас, не обратит внимания на наш разговор. Я его уже раз видела в таком состоянии – боже, как это было ужасно! Это было тогда, когда он на моих глазах убил мою двоюродную сестру... вероятно, это было очень, очень давно. Я и не знаю, когда это произошло, но наверняка это было в каком-нибудь другом городе.

– Вашу двоюродную сестру? – воскликнул Патси. – Тогда мы в товарном вагоне на постели нашли, вероятно, ее труп с кинжалом в сердце?

– Да, – отозвалась девушка, – вероятно, то была она, хотя он ее не заколол, нет – он задушил ее своими руками. Боже мой, это было ужасно! В тот час он имел такой же вид, как и теперь. Он тогда подскочил ко мне и наверняка убил бы и меня, если бы в тот самый момент злой дух не вышел из него – краска опять вернулась к нему, он обернулся к трупу моей несчастной сестры и уставился на него с выражением такого беспредельного изумления, точно не сознавал, что именно он-то и задушил ее насмерть. А теперь он, быть может, убьет нас обоих! Дай бог мне быть первой! Тише!

Доктор Кварц повернулся к девушке, как будто расслышал теперь звук ее голоса. Затаив дыхание, оба пленника в ужасе смотрели на своего мучителя, а за дверями Ник Картер опять поднял револьвер и прицелился в голову доктора, твердо решив пристрелить его, раньше чем свершится новое злодеяние.

Но уже в следующую секунду голова недвижно стоявшего врача опустилась на грудь, как будто душа его снова отправилась в странствия.

Через несколько минут девушка снова осмелилась заговорить.

– Не правда ли, вы ужасаетесь, что я так безучастно спокойна при всех этих ужасах? – спросила она. – Но вы не удивлялись бы этому, если бы знали все, чего только я должна была насмотреться с того времени, как нахожусь в его власти. Он – дьявол! Он не человек, никогда этому не поверю! Он заставил меня привыкнуть к ужасу, так что я не узнала бы самой себя, если бы еще обладала способностью ужасаться! Я с дрожью ощущаю, что все больше теряю способность различать добро и зло! Сострадания во мне давно уже нет! Я знаю, доктор Кварц убил моего отца и мою мать точно так же, как он убил мою несчастную двоюродную сестру Алису и ее родителей, – и все-таки я могу говорить и думать об этом, даже касаться его руки и беседовать с ним без того, чтобы меня охватывало дикое отвращение. Он говорит, что не успокоится до тех пор, пока сделает из меня вторую Занони. Но если он действительно исполнит это, то моим первым делом будет – убить его!

– Кто это – Занони? – спросил Патси еле слышно, так как в противоположность молодой девушке он с трудом мог говорить в присутствии ужасного человека, недвижно стоявшего между ними и все еще глядевшего то на одного, то на другого пленника.

– Занони? Это единственное существо в мире, которого боится даже этот ужасный доктор Кварц. Посмотрите – он задрожал, когда только произнесли ее имя. Занони ужасна... Занони... Занони ведьма! Посмотрите, как он дрожит, как он извивается!

И действительно, доктор Кварц, этот человек, состоявший как бы только из железа и стали, не способный чувствовать по-человечески, задрожал. Он все еще смотрел из стороны в сторону, и его стеклянные глаза, казалось, снова начинали видеть и узнавать окружающее.

– Тише, – шепнула девушка, – если вам еще дорога ваша жизнь, то теперь не смейте говорить.

Но в этот роковой момент начал действовать другой.

То был Ник Картер. Подкравшись ближе, он одним громадным прыжком подскочил к доктору, одной рукой схватил его за горло, а другой нанес ему ручкой револьвера страшный удар по голове, так что тот свалился на пол, как сраженный бык.

Этот удар, казалось, возымел чудодейственную силу; доктор Кварц очнулся от сонного состояния, в котором находился, когда вошел в комнату.

Казалось, будто резиновый мяч ударился об пол, так как доктор Кварц в то же мгновение с поразительной эластичностью вскочил опять на ноги. Он хотел обернуться в сторону сыщика, но последний немедленно нанес ему, на этот раз кулаком, увесистый удар в висок. При этом оба свалились на пол. Доктор оказался внизу, а Ник Картер очутился на своем противнике.

Хотя оба страшных удара должны были оглушить доктора, он начал бороться с такой силой, таким присутствием духа, такой яростной решительностью, что вряд ли кто другой был бы способен на это при подобных обстоятельствах.

Со своей стороны, Ник Картер сознавал, как опасен его противник. Он еще только за день до этого испытал на себе силу негодяя и знал, что ему придется напрячь всю свою ловкость, чтобы одолеть его. Он, не медля ни одной секунды, воспользовался всеми приемами, могущими привести к победе.

Когда они оба свалились на пол, сыщик снова стал бить своего противника изо всей силы, стараясь окончательно оглушить его. Он бросил револьвер и теперь пытался наложить на кисти рук доктора стальные наручники, прежде чем тот успел бы воспротивиться этому. Но даже после того, как ему удалось сделать это, противник его все еще яростно боролся, приподнимаясь и пуская в ход зубы, так что Нику Картеру осталось только еще раз взять револьвер и снова бить им изо всей силы по голове своего пленника.

Это подействовало. Руки доктора ослабли, сознание его на время помутилось, и сыщик воспользовался этим коротким перерывом, чтобы вынуть из кармана еще пару наручников и наложить их на ноги пленника.

Хотя лицо доктора обливалось кровью, на устах побежденного все-таки заиграла насмешливая, вызывающая улыбка.

Сыщик увидел, что пленник опять совершенно пришел в себя.

– Что же, Картер, вам повезло, вы наткнулись на лунатика, – проговорил доктор Кварц с таким холодным спокойствием, точно речь шла вовсе не о нем, – иначе связаны были бы вы, а я стоял бы на вашем месте. Несдобровать бы вам тогда!

– Лучше так, как оно теперь есть, – злобно улыбаясь, возразил сыщик, – я полагаю, нам теперь удастся составить против вас всякое обвинение скорее, чем вы предсказывали.

– Конечно, пока козыри находятся в ваших руках, господин полицейский проныра, – ответил доктор Кварц, – но не забывайте, что вы еще не вышли из этого дома.

– Об этом не извольте беспокоиться, доктор. Мы будем очень осторожны.

Пока Ник Картер говорил, он заметил, что доктор Кварц обратил свой взор на прикованную к стене девушку. Он видел, как взгляд его снова становится холодным и жестким. Сыщик сейчас же понял, что, несмотря на свои узы, пленник делал дерзкую попытку гипнотизировать девушку, превращая ее таким образом в послушное, безвольное орудие своих гнусных замыслов и планов.

С быстротой молнии Ник Картер подскочил к доктору и в тот же момент нанес ему ладонью сильный удар по глазам.

– Будьте вы прокляты, – прошипел доктор.

Но сыщик не обратил на это внимания. Не отвечая ни слова, он схватил доктора, несмотря на то что тот отчаянно отбивался, поднял его и вынес из комнаты в коридор. Там он завязал ему глаза платком и с помощью третьей пары наручников приковал его к перилам лестницы.

– Я собираюсь вернуться в комнату, доктор, чтобы там немного потолковать с нашими общими друзьями. Но я встану так, что вы беспрерывно будете у меня на виду. Не пытайтесь произвести ни малейшего подозрительного движения, так как это будет равносильно вашей верной смерти. Обо мне говорят, что я один из лучших стрелков в этой благодатной стране, и я не задумываясь испытаю на вашем теле, правы люди или нет.

В ответ на это предупреждение доктор Кварц лишь насмешливо и презрительно рассмеялся.

– Ерунда! – пренебрежительно возразил он. – Убирайся, скройся хоть к черту или куда хочешь, но только не надоедай мне своей ребяческой болтовней! Не пройдет и часа, как ты у ног моих будешь молить о пощаде!

Ник Картер уже пошел было обратно к комнате, но теперь остановился перед своим пленником, улыбаясь и скрестив руки на груди.

– Доктор, а я все-таки прав! Вы достойный преемник вашего брата, если только дьявол не вызвал вас к новой жизни. Во всяком случае, в данную минуту у вас опять припадок мании величия.

– Поживем – увидим, – ядовито прошипел доктор, – хорошо смеется тот, кто смеется последним!

– Да-да, доктор, вы были правы, у нас с вами действительно происходит игра, как у кошки с мышью. Не будете ли вы любезны сказать мне, кого вы в данную минуту считаете кошкой?

– Кошка – это я, я, я! – произнес доктор Кварц столь грозным голосом, что сыщик невольно забеспокоился.

«Неужели этот ужасный, загадочный человек не только угрожает, неужели же он, несмотря на то что он связан и скручен, может нанести гибельный удар?» – подумал он.

– Признаюсь, доктор, у вас железная воля, – после краткой паузы заметил Ник Картер.

– Еще бы! И ты об эту железную волю разобьешь себе череп. Во время твоих предсмертных мучений я со смехом напому тебе эту минуту, и тогда ты узнаешь, что у меня не только железная воля, но и сердце, холодное как лед и жестокое, в сравнении с которым сердце тигра равняется сердцу голубя.

Преисполненный ужасным отвращением, сыщик отвернулся. Он переступил порог решетчатой двери и вошел в комнату, в которой два пленника были прикованы к стене.

Вследствие необычайных происшествий последнего часа Ник Картер совершенно забыл о своем помощнике Тен-Итси, который со страхом ожидал на крыше его возвращения. Сыщик настолько был занят необычайностью пережитого, что и теперь еще не вспомнил о своем помощнике.

Возвратившись в комнату, сыщик сейчас же принялся освобождать своего молодого помощника Патси от приковавших его к стене цепей. Это он сделал очень быстро, тем более что ключи к замкам цепей лежали тут же на сиденье единственного находившегося в комнате стула. Вероятно, доктор Кварц положил ключи столь близко от своих жертв в расчете на то, что таким образом их страдания еще усугубятся.

Освободив молодого сыщика, Ник Картер направился к девушке и открыл ее оковы.

Патси начал было в бурных выражениях благодарить своего начальника за спасение, но Ник Картер движением руки остановил его. Он передал ему два своих револьвера и приказал выйти в коридор и сторожить там связанного и прикованного к перилам лестницы пленника. Затем Ник Картер обратился к освобожденной им девушке.

С того мгновения, когда сыщик вошел в первый раз в комнату, напал на доктора и нанес ему решительное поражение, девушка смотрела на него со странным выражением на красивом взволнованном лице. Казалось, она хотела уяснить себе, что, собственно, происходит. Но, по-видимому, она не могла сделать этого, что и было видно по ее тупому взгляду, с которым она все смотрела на могучую фигуру Ника Картера.

Когда сыщик теперь обратился к ней, она улыбнулась, как улыбается довольный и счастливый ребенок, и все же Ник Картер был убежден, что она располагает своим рассудком в достаточной степени, чтобы быть в состоянии дать полное свидетельское показание.

– Будьте добры, назовите мне ваше имя, – попросил он.

Она пристально смотрела на него, слегка покачивая головой.

– Мое имя? – машинально повторила она. – Я почти забыла его, еще не совсем, но почти. С тех пор как я нахожусь в этом доме, доктор никогда не хотел называть меня моим настоящим именем.

– Хорошо, мисс, но, несомненно, вы помните ваше прежнее имя. Или не помните?

– Да, меня звали... подождите... мое имя было Нанина, Нанина Дюкло.

– А как звали вашу несчастную двоюродную сестру, молодую женщину, которую доктор Кварц задушил на ваших глазах, – ту женщину, сердце которой негодяй затем пронзил кинжалом, положив ее труп в товарный вагон? Вы знаете ее имя?

Очевидно, девушка усиленно думала.

– Ее имя? – запинаясь, проговорила она. – Да, ее звали Марией, а фамилия ее та же, что и у меня, ведь она моя двоюродная сестра, – прибавила она радостно, как ребенок, хорошо рассказавший урок.

– Понимаю. А теперь скажите, мисс Нанина, говорил ли доктор с вами о тайне товарного вагона?

– Конечно, говорил, и очень часто! – воскликнула девушка, недолго думая.

– Прошу вас, скажите мне об этом все, что вы знаете.

– Для чего? Он, вероятно, и другим людям рассказал то же самое.

– Ничего, пожалуйста, расскажите мне все и ничего не скрывайте, – попросил сыщик.

– Не правда ли, вам ведь известно, что доктор собирался жениться на Марии? Все приготовления уже были сделаны, и он соорудил товарный вагон, чтобы совершить в нем дивное свадебное путешествие. Тогда мы жили в каком-то другом городе – в каком, не знаю, где-то на востоке.

– Хорошо, мисс Дюкло, – сказал сыщик, говоривший с ней как добрый наставник с ребенком, которого девушка и напоминала всем своим поведением, – я полагаю, что ваши отец и мать и родители Марии жили вместе и сообща делали приготовления к свадьбе?

– Так и есть, мы все жили в одном и том же городе и были очень счастливы.

– Так вот, мисс Дюкло, вы говорили, что доктор убил ваших родителей и родителей Марии. Что же, он доставил их трупы вместе с трупом вашей двоюродной сестры в этот товарный вагон?

Девушка наклонила голову.

– Он так говорил, и я думаю, он так и сделал. Потом он куда-то отправил вагон. Знаете, он не хотел на самом деле убить Марию, это произошло в припадке ярости, часто овладевающей им, когда лицо его становится бледным как полотно и он будто спит с открытыми глазами. Он как-то говорил мне, что в таком состоянии он когда-нибудь покончит с собой. Он испытывал всякие средства, чтобы не допустить этих припадков, но это ни к чему не приводило, и ему страшна мысль, что существует болезнь, не поддающаяся его врачебному искусству.

– Назовите мне, пожалуйста, имена ваших родителей и родителей вашей двоюродной сестры.

– Отца моего звали Джорджем, мать – Анной, а дядю с тетей звали Питер и Мира.

– Скажите, мисс Дюкло, не помните ли вы, где проживали до того, как познакомились с доктором?

– Помню, в Бостоне, на улице Бэкона. Там мы жили все вместе и были очень счастливы. Как-то раз дядя Питер опасно заболел и призвали доктора Кварца. Он совершенно вылечил его. Потом заболела тетя Мира, и мы опять призвали доктора Кварца. Он вылечил и ее в короткое время. В конце концов заболела Мария, вообще мы все заболели один за другим, и доктору всегда удавалось лечить нас. Отец и дядя заплатили ему много денег за это. Но он их и заслужил, как говорили люди, так как он спас нас от верной смерти.

– Ваш отец и дядя Питер были очень богаты, не правда ли?

– Кажется, да, но верно не знаю.

– Ну, у вас был экипаж и лошади, много прислуги, не так ли, мисс Дюкло?

– Конечно. У нас было много лошадей и много прислуги. Все это теперь принадлежит мне, по крайней мере так говорит доктор. Вот потому-то он и задерживает меня здесь, в этом доме, для того чтобы никто не мог взять мои деньги.

– Понимаю. А скажите, зачем же он приковал вас к стене в этой комнате? Или же вы не всегда находитесь в этом помещении и не всегда прикованы?

– Нет, далеко не всегда. Большую часть времени я провожу в красивой комнате, где птички поют и где живет моя любимая кошка. Там он делает руками движения над моей головой, и я впадаю в глубокий сон, вижу чудные сновидения и забываю все, о чем не хочется думать. Я всегда счастлива, когда он так усыпляет меня.

– Бедная вы девушка. А вы не можете мне сказать, давно ли вы живете в этом доме? – участливо спросил сыщик.

– Нет, этого не могу сказать, но, вероятно, уже очень-очень давно. Может быть, с того времени прошло уже сто лет. Мы ездили, тоже очень долго. Это все было гораздо позднее, чем в тот ужасный день, когда доктор Кварц убил Марию и ее родителей, да и моих с ними, – все это произошло не здесь, не в этом доме.

– А объяснял ли вам доктор, для чего, собственно, он поместил все трупы в товарный вагон и отправил его?

– Нет, он только смеялся от души и говорил, что это хорошая шутка, что теперь залают собаки. Он говорил, что будет присутствовать при том, когда собаки начнут ворчать и лаять, что он с наслаждением будет наблюдать, как самый главный пес тщетно будет искать следы.

– А! – воскликнул Ник Картер с сияющими глазами. – Вот как? Не говорил ли он, как зовут этого пса?

– Конечно. Он говорил, что главного пса зовут Ник Картер и что в один прекрасный день он заставит его и всех его друзей совершить точно такое же путешествие.

– Хорошо, мисс Дюкло, вы все-таки еще не сказали мне, для чего доктор иногда приковывает вас в этой комнате?

– Он хочет сделать из меня то же самое, что он сделал с Занони. Я должна привыкнуть к зрелищу ужасов.

– Что это за Занони?

– Занони ужасна! Занони дивно красива! Занони ведьма!

– Что же это за дьявольская женщина?

– Она единственный человек в мире, которого боится доктор Кварц, – шепнула девушка.

– Проживает ли она здесь?

– Не знаю. Она приходит и уходит, когда ей вздумается. Она помешана, по крайней мере так говорил доктор. Она представляет собой наивысший успех его опытов, а потому она и помешалась. Доктор говорит, что разрушил ее душу и сделал из нее животное, но что она в тысячу раз умнее всех людей. Вот почему она может появляться в каком угодно образе.

Вдруг девушка оборвала свою речь так внезапно, что сыщик поразился. Вместе с тем он заметил, что она смотрит через его плечо с выражением страшного испуга, как бы увидев кого-то, кто внезапно появился в комнате и причинял ей неопишное страдание одним своим появлением.

Ник Картер невольно обернулся и, к своему изумлению, на пороге увидел фигуру молодой красивой женщины, глаза которой смотрели на него с яростью бешеного волка.

«Занони», – мелькнуло в голове Ника Картера.

Он увидел Патси, который с быстротой кошки подкрадывался сзади к этой демонической женщине. По-видимому, она вошла в комнату, не заметив в коридоре Патси и его беспомощного пленника.

Ее дивно красивое лицо было обезображено странной, таинственной, как бы безумной улыбкой. В поднятой правой руке она держала револьвер.

По ее движениям, а больше всего по ее сверкающим глазам Ник Картер видел, что она решила пустить в ход револьвер и выстрелить, как только направит дуло в его сердце.

Но позади ее уже появилась стройная фигура Патси, и Ник Картер рассчитал, что он накинется на нее раньше, чем она сумеет выстрелить.

В этот роковой момент раздался громкий шум с улицы, где кто-то сильно застучал в дверь. Вслед за тем раздался громкий треск, и слышно было, как взламываются тяжелые двери.

Теперь сыщик вспомнил о приказах, которые он дал своему помощнику Тен-Итси, и понял, что его молодой помощник успел уже побывать в полицейском участке, из которого он явился со взводом полицейских. Ник Картер теперь только уяснил себе, сколько уже прошло времени с тех пор, как он пробрался с крыши в дом.

В то мгновение, когда со стороны улицы была взломана парадная дверь, Патси устремился вперед.

Со страшной силой он схватил Занони за руки и прижал их к ее бокам. Так он держал ее, пока не подоспел Ник Картер и не надел ей наручники.

К удивлению сыщика, она не делала никаких попыток к сопротивлению. Она стояла совершенно спокойно, пока оба сыщика связали ее настолько крепко, что она не могла больше двинуться.

Едва они успели сделать это, как Тен-Итси в сопровождении полицейских, приведенных им с собою, появился в комнате.

Через несколько минут в помещении с железной дверью составила своеобразная компания.

Связанного доктора Кварца перенесли в это помещение и посадили его на стул. У ног его на корточках сидела Нанина Дюкло, так как доктору удалось в тот момент, когда Ник Картер отвернулся от него, силой своей воли призвать ее к себе. Когда полицейские вошли в комнату, Нанина уже опять находилась совершенно во власти воли этого чудовища в образе человека. Она не хотела оставить его и рыдала как ребенок, когда ее собирались насильно отвести в сторону.

– Оставьте ее, – только и сказал Ник Картер, – мы найдем средство, чтобы избавить ее со временем от этого ужасного влияния.

Занони стояла неподвижно на том месте, где ее связали. Когда ее потом посадили на стул, она оставалась совершенно безучастна и, по-видимому, ничего не видела из того, что происходит в комнате.

Самого доктора Кварца усадили в принесенное кресло. Он совершенно спокойно смотрел на сыщиков и полицейских, окруживших его со всех сторон. На его губах опять играла ужасная, насмешливая и презрительная улыбка.

Ник Картер упорно смотрел на своего пленника и невольно вспоминал прошлое.

Доктор улыбался той же улыбкой, которой всегда улыбался прежний доктор Кварц, когда он высмеивал своих врагов даже в минуту наибольшей опасности.

У Ника Картера все настойчивее появлялась мысль, что, несмотря на все, оба доктора представляли собой одно и то же лицо. Но можно ли было это допустить? Разве прежний доктор Кварц, умерший и похороненный в присутствии сыщика, мог действительно воскреснуть к новой жизни?

Ник Картер употребил некоторое усилие, чтобы стряхнуть эти жуткие мысли, и со злобной улыбкой подошел к своему пленнику.

– Игра кончена, и вы проиграли, доктор Кварц! – произнес он громким голосом. – Теперь нам известна вся ваша история. Вы, конечно, слышали, что ваша несчастная жертва Нанина Дюкло дала мне полное, всестороннее описание ваших злодеяний. Ну, я думаю, петля вас ожидает раньше, чем вы полагали!

Но доктор Кварц резко рассмеялся.

– Милейший мой Картер, – ответил он презрительно, – петля для меня еще далеко не свита.

– Понятно, покуда жив человек, он еще надеется, – в том же тоне возразил сыщик, – но, милейший мой доктор Кварц, виселица для вас уже приготовлена, и я позабочусь, чтобы на сей раз вы не ушли от вполне заслуженной вами кары!

– Преклоняюсь перед вашим ясным умом, жемчужина среди сыщиков, – ответил доктор Кварц с резкой насмешкой.

– Ага, кошка все еще играет с мышью? – произнес Ник Картер, который скрестил руки на груди.

– Нет, дерзкая мышь как будто улизнула от острых когтей и смеется над кошкой. Бедный мышонок! Он не сознает своей близорукости и не видит, что кошка только великодушно разрешила ему удалиться несколько дальше, чем следовало допустить. Но скоро кошка прыгнет! И будет же пищать бедный мышонок, когда почует острые когти страшной кошки!

Пленный доктор трясся от громкого смеха при этих словах.

– Посмотрим! – только и ответил Ник Картер.

– погоди, ты убедишься, что ты мышь, а я кошка! – кричал доктор, и пена выступила у него на губах.

Пожимая плечами, Ник Картер отошел от него и обратился к Занони.

– Сударыня, – произнес сыщик строго и размеренно, указывая рукой на доктора Кварца, – знаете ли вы, что этот человек – убийца?

К общему изумлению всех присутствующих, Занони холодно и спокойно ответила:

– Да, я знаю это.

– А знаете ли вы, что доктор Кварц убил пять человек и поместил их трупы в товарном вагоне? – продолжал Ник Картер громким голосом.

– Да, я не только знаю, но готова даже доказать это, – ответила Занони с тем же спокойствием.

– Вы готовы предстать перед судом присяжных в качестве свидетельницы против доктора Кварца и сообщить всю правду о нем?

– Да, я готова сделать это.

Выражение ее лица не менялось, когда она с холодным спокойствием произносила эти слова.

Можно было принять эту демонически красивую женщину за безжизненное мраморное изваяние.

– Довольно, – ответил сыщик. – Возьмите их с собой! – коротко приказал он полицейским.

Доктор Кварц громко засмеялся, когда его схватили сильные руки полицейских и потащили прочь.

Страшное показание Занони как будто не произвело на него никакого впечатления.

– Ну и правда, что у этого человека какие-то стальные нервы! – невольно воскликнул один из полицейских.

– Стальные нервы, железная воля и ледяное сердце, не так ли, милый друг Ник Картер? – крикнул доктор Кварц.

Он громко смеялся, когда полицейские стали его уводить.

Страшная ночь в «Гранд-отеле»

В Канзас-Сити, на квартире доктора Кварца, в ночь на 18 сентября были арестованы сам доктор Кварц и таинственная молодая женщина, известная лишь под именем Занони.

Обоих арестованных под личным наблюдением начальника полиции отвели в здание полицейского управления, где их заключили в одиночные камеры, расположенные в разных концах широко раскинутого здания. Доктора Кварца посадили в особо надежное помещение, вернее и лучше которого трудно было найти.

Помещение, предоставленное Занони, было много уютнее и по обстановке своей походило, скорее, на удобную комнату в гостинице, хотя и было снабжено решетками, как и все другие камеры.

Для большей предосторожности и для того, чтобы арестованные были под надежной охраной, у дверей камеры доктора был поставлен специальный часовой. Кварц считался самым опасным преступником. Больше того, Ник Картер, знаменитый сыщик, произведший арест и оставшийся в доме доктора вместе со своими помощниками Патси и Тен-Итси для производства тщательнейшего обыска, с особенной настойчивостью указывал начальнику полиции на опасность арестованных, а равно и на то, что доктор не преминет произвести всякие попытки, чтобы путем бегства вернуть себе свободу, а в этом он обязательно мог бы достигнуть успеха, если оставить его без надзора хоть на минуту.

В эту ночь начальник полиции оставался в своей конторе приблизительно до полуночи, намереваясь лично руководить первым допросом арестованных, доктора Кварца и его прекрасной спутницы Занони. Но его надежды заставить своих пленников сделать полное признание не оправдались.

На все вопросы начальника полиции доктор Кварц отвечал только, улыбаясь, полнейшим молчанием. Все доводы и убеждения начальника полиции не привели ни к чему, и только один раз во время всего допроса ему удалось добиться от арестованного ответа.

Это было уже в конце допроса.

Начальник полиции уже отчаялся добиться слова от упрямого арестанта и отдал приказание отвести доктора Кварца в его камеру, как вдруг последний, уже схваченный за руки двумя полисменами, произнес с той любезностью, которой он отличался всегда:

– Господа, я в отчаянии, что сегодня должен был вести себя невежливо и, во всяком случае, недостойным воспитанного и тактичного джентльмена образом, но меня к этому побуждали некоторые причины. Зато я теперь даю вам торжественное обещание: когда вы меня арестуете во второй раз, то я отвечу вам на все ваши вопросы с двойной охотой и вдвое подробнее.

Он низко поклонился и вышел со своими стражниками. Начальник полиции приказал им вернуться еще раз с арестованным и обратился к последнему с вопросом, что он, собственно, хотел сказать. Но доктор снова погрузился в молчание, и начальнику оставалось только приказать отвести его в камеру.

Совершенно иначе вела себя на допросе молодая красавица Занони, но только результат был один и тот же, и в конце концов опытный начальник полиции знал столько же, сколько и раньше.

Насколько доктор Кварц был молчалив, настолько красавица Занони изощрялась в многословии.

Она и не выжидала вопросов, а добровольно дала пространное описание всех фактов со всеми подробностями. К сожалению, во время допроса выяснилось, что молодая, загадочная женщина с поразительной легкостью дала, по крайней мере, пять совершенно различных и несогласных одно с другим показаний, и опытному чиновнику пришлось сознаться, что его красивая пленница дурачила его самым бессовестным образом, рассказывая ему просто сказки, одну невероятнее другой.

Когда возмущенный начальник полиции обратил внимание арестованной на эти противоречия, красавица презрительно пожала плечами и коротко заявила, что начальник из ее пяти показаний волен выбрать то, которое ему больше всего нравится, а если как раз это показание не будет соответствовать истине, то оно, во всяком случае, удачно придумано.

Начальник полиции потерял терпение. Он внезапно прекратил допрос и решил назначить исследование умственных способностей арестантки.

За четверть часа до полуночи начальник полиции, усталый и изможденный, собрался уйти домой. Ровно в полночь он вышел из своего кабинета.

Будучи большим любителем природы, он в свободное от службы время работал в своем садике; ввиду этого уютная квартира его находилась в одном из пригородов, подальше от шумной сутолоки самого города.

Довольно красивый дом его был соединен телефоном с полицейским управлением; равным образом он в любое время мог соединить себя по телефону со всеми участками в городе. Путь от управления до своего дома и обратно он в течение круглого года, независимо от состояния погоды, совершал верхом на лошади.

Вследствие этих двух ежедневно повторяющихся прогулок верхом сложное делопроизводство полиции всегда задерживалось на целых три четверти часа, по крайней мере поскольку это касалось личного вмешательства старшего начальника, так как во время пути до дома и обратно он был отрезан от всякого сообщения. Как только он ушел из полицейского управления, с ним можно было говорить по телефону только через полчаса, то есть после того, как он прибывал к себе домой. Приблизительно столько времени ему нужно было, чтобы рысью доехать до дома; а если он по дороге встречал знакомых и проводил время в разговоре с ними, то ему, конечно, требовалось еще больше времени.

Так как начальник полиции вышел из управления ровно в полночь и мог совершать путь в темноте лишь медленно, то в случае надобности можно было из полицейского управления говорить с ним по телефону не ранее как приблизительно в три четверти первого. Но и после этого требовалось еще около сорока минут, пока начальник мог лично вернуться в управление.

Итак, начальник уехал. Минут через семь после его отбытия из управления в его кабинете зазвонил телефон.

Чиновник, заступавший вместо начальника полиции и во время отсутствия последнего занимавшийся в его кабинете, подошел к телефону и выслушал доклад капитана того участка, в котором был расположен «Гранд-отель», о том, что в этой гостинице совершено убийство. Вместе с тем капитан сообщил, что один из сержантов в сопровождении шести полисменов отправился на место происшествия и что он лично тоже отправится туда, а уже оттуда, из гостиницы, даст дальнейшие сообщения в полицейское управление.

Заступивший вместо начальника положил трубку на место, закурил сигару и расположился поудобнее в своем кресле в ожидании дальнейших сообщений своего подчиненного. В таком городе, как Канзас-Сити, убийство не представляло собою ничего выдающегося и поэтому не могло вывести полицейского чиновника из душевного равновесия.

Но не прошло и трех минут – другими словами, ровно в десять минут первого, согласно записи в полицейском дневнике, – как телефон в кабинете начальника полиции опять зазвонил.

На этот раз весть пришла из самой гостиницы; во всяком случае, говоривший на другом конце телефона заявил о том, что говорит из «Гранд-отеля». После оказалось, что из гостиницы

никто не говорил, и никто не знал, кто, собственно, вызвал полицейское управление столь таинственным образом.

Сообщение, сделанное заместителю начальника полиции, было следующим:

– Алло! Это полицейское управление?

– Да, кабинет начальника.

– Это «Гранд-отель»! Говорит служащий. Пришлите немедленно двух или трех из ваших самых надежных людей! В течение получаса здесь в гостинице совершено три убийства, и неизвестно, сколько преступлений сегодня будет еще обнаружено!

– Но послушайте, что же это такое? – спросил заместитель начальника, несколько оправившись от первого испуга. – Не дальше как пять минут тому назад звонил ваш участковый капитан и сообщил лишь об одном убийстве, происшедшем в вашей гостинице.

– Совершенно верно, – ответил говоривший на другом конце телефона, – когда мы в последний раз говорили с вами, то мы знали только об одном преступлении. А после того совершено еще два убийства!

Говоривший прекратил разговор, сразу повесив трубку.

Заместитель начальника, сильно волнуясь, призвал сейчас же двух лучших полицейских сыщиков, дежуривших в эту ночь в полицейском управлении, сообщил им о полученном известии и приказал им взять с собой еще двух полисменов и немедленно отправиться в «Гранд-отель».

Впоследствии на основании записи в полицейском дневнике было установлено, что четыре чиновника, следуя данному им приказанию, вышли из полицейского управления в 12 часов 17 минут.

В 12 часов 23 минуты в кабинете начальника полиции снова зазвонил телефон.

Заместитель начальника поспешно подошел к аппарату, ожидая услышать сообщение от участкового капитана, который тем временем должен был уже прибыть в гостиницу.

Однако ему было сделано совершенно иное сообщение, не меньшей важности.

На этот раз звонил капитан участка, расположенного на Делавэр-авеню и находившегося на другом конце города. Сообщение гласило:

– Прямо перед музеем Стоуна на Делавэр-авеню произошли серьезные беспорядки. Для того чтобы подавить их, нам нужны все запасные из всех участков, кто только может быть послан. Толпа бьет стекла, выбивает двери музея, стреляет из револьверов и ружей и благодаря численному превосходству оттеснила моих собственных людей. Причина беспорядка, по-видимому, обыкновенная драка, хотя достоверно мне это неизвестно.

В этих коротких словах заключалось тревожное известие, сообщенное заместителю начальника полиции в 12 часов 23 минуты.

Чиновник, конечно, сейчас же понял спешность полученного сообщения и потому немедленно дал все необходимые приказания.

Минут через десять со всех участков города были отправлены полицейские кареты со свободными запасными полисменами к месту происшествия.

Вследствие этого грозного события совершенные в «Гранд-отеле» убийства пока отошли на второй план.

Старший дежурный сыщик сейчас же был вызван в кабинет начальника, и заместитель начальника спросил его, сколько человек он считает возможным послать со своей стороны. Через несколько минут на Делавэр-авеню к музею Стоуна было командировано еще шесть сыщиков на помощь товарищам-полисменам, так как весьма важно было возможно скорее найти зачинщиков беспорядка.

После того как заместитель начальника отдал все распоряжения и остался один в кабинете, он собрался сейчас же известить своего начальника обо всех происшествиях. Он посмотрел на часы и увидел, что должно пройти еще несколько минут, пока будет без четверти час,

то есть пока начальник полиции не прибудет к себе домой. Он подождал еще немного, а затем позвонил на квартиру начальника.

Оттуда ему ответили, что начальник полиции еще не прибыл домой.

– Ладно, – заявил заместитель начальника лицу, говорившему с ним, – несомненно, начальник прибудет через несколько минут. Сообщите ему, пожалуйста, что в «Гранд-отеле» произошло тройное убийство и что я командировал туда четырех лучших служащих. Кроме того, на Делавэр-авеню у музея Стоуна произошел уличный беспорядок; туда я отправил запасных со всего города, а кроме того, командировал из управления шесть человек сыщиков. Считаю своим долгом лично тоже отправиться на место происшествия и потому оставлю контору под надзором сержанта.

Заместитель начальника повесил трубку, призвал сержанта Грина на свое место, надел форменный сюртук, вооружился тяжелой дубинкой и револьвером и вышел из кабинета, поручив оставшемуся чиновнику зорко следить за всем, что произойдет.

Сержант Грин записал в полицейский дневник, что принял на себя дежурство в 12 часов 50 минут.

Само собой разумеется, в полицейском управлении в течение всего описанного времени царил беспорядок.

Вследствие этого и случилось то, что от 12 часов 7 минут до 12 часов 50 минут никому и в голову не приходило думать о докторе Кварце и прекрасной арестантке Занони.

Сержант Грин, приступивший к дежурству в 12 часов 50 минут, появился лишь незадолго до этого в полицейском управлении после восемнадцатичасового отдыха и не имел еще возможности явиться к своему непосредственному начальнику, дежурному капитану, так как последний с шестью полисменами уже отправился на Делавэр-авеню для подавления уличных беспорядков. По той же самой причине он еще не был осведомлен об аресте доктора Кварца и его прекрасной помощницы Занони и вообще не подозревал, что они оба находятся в камерах полицейского управления.

При нормальном положении дел сержант, конечно, не преминул бы просмотреть записи в дневнике и узнал бы все, что нужно. Но в эту роковую ночь он с самого начала своего дежурства был так сильно занят, что не успел заглянуть в дневник, хотя к этому его, собственно, обязывал долг службы.

Если бы в полицейском дневнике был указан подробный перечень всех происшествий этой памятной ночи, то в нем оказалась бы также запись, гласящая, что в 1 час 10 минут ночи доктор Кварц с Занони под руку совершенно спокойно и беспрепятственно вышли из своих камер и из здания полицейского управления – конечно, чтобы туда больше не возвращаться.

* * *

Знаменитый сыщик Ник Картер получил первое извещение о быстро следовавших одно за другим происшествиях этой достопамятной ночи вскоре после трех часов ночи, когда сильный стук в дверь его квартиры разбудил его.

Открывая дверь, он увидел перед собой полисмена в полной форме.

– Привет от начальника, мистер Картер, – начал полисмен, – он просит вас поехать как можно скорее в «Гранд-отель». Он очень занят и не дал мне письма для вас, но он полагает, что вы и так сейчас приедете, если я вам сообщу, что речь идет об убийстве.

– И это все? – смеясь, ответил Ник Картер, пропуская полисмена в переднюю, и затем стал быстро одеваться.

К его удивлению, полисмен заявил:

– Нет, это еще не все. Кроме того, на Делавэр-авеню у музея редкостей Стоуна произошел уличный беспорядок, хотя я не думаю, что начальник стал бы беспокоить вас из-за этого. Могу только сказать, сэр, в сегодняшнюю ночь в Канзас-Сити сам черт сорвался с цепи.

– А что это за уличный беспорядок? – спросил изумленный сыщик.

– Не могу знать, сэр, я сам не был там на месте. Знаю только, что дело было нешуточное и что бунтовщики камня на камне не оставили.

– Ладно. Я сейчас буду готов и отправлюсь вместе с вами, – ответил Ник.

Через полчаса Ник Картер по главному подъезду вошел в «Гранд-отель» и в вестибюле встретился с начальником полиции, с нетерпением его ожидавшим.

– Я очень сожалею, Картер, что мне пришлось беспокоить вас, – сказал начальник, – но тут случилось весьма странное происшествие, и я полагал, что вы охотно за него возьметесь.

– Согласен, – ответил сыщик, – вы знаете, что я всегда рад помочь вам.

– Спасибо, Картер, я знаю, что всегда можно рассчитывать на вас.

– Так вот, ближе к делу: кто был убит?

– Женщина.

– Гостя гостиницы или одна из прислуг?

– Ни то ни другое. Вот это-то и странно.

– Как мне понять это?

– Это вы скорее поймете, Картер, когда немного осмотритесь. Не спрашивайте меня ни о чем, прежде чем вы не сделаете этого. Мне кажется, что мы будем иметь дело с очень таинственной историей.

– Как и вообще при всех убийствах. Так вы говорите – женщина? Конечно, молодая и красивая – ведь в последнее время вообще убивают только молодых и красивых.

– Это имеет место и в данном случае, – подтвердил начальник полиции.

– Где находится труп? – коротко спросил сыщик.

– На первом этаже, в комнате для новобрачных, – гласил ответ.

В каждой американской гостинице имеется специальная, обставленная с величайшей роскошью, комната, предназначенная исключительно для новобрачных.

Ник Картер уже намеревался подняться в указанную комнату, как вдруг остановился и спросил в недоумении:

– Вы ведь говорили, что женщина эта приезжая?

– Именно.

– И не из прислуги?

– Тоже верно.

– Каким же образом эта женщина пробралась в комнату для новобрачных? Ведь речь идет, безусловно, о самой дорогой и лучшей комнате гостиницы, это видно уже из названия! Долго ли она там оставалась?

– По всем признакам – долго.

– Каким же образом она очутилась в этой комнате, тогда как ей и искать там было нечего? – в изумлении спросил сыщик.

– Видите ли, Картер, это и есть тот вопрос, на который никто в гостинице ответить не может.

– Странно, чуть ли не похоже на то, будто наш доктор Кварц замешан в это дело, не так ли?

– Совершенно верно.

Охваченный внезапной мыслью, Ник снова обратился к начальнику полиции и торопливо спросил:

– Послушайте, надеюсь, что этот доктор Кварц не успел улизнуть?

– Никоим образом, – заявил мистер Гайнс, начальник полиции в Канзас-Сити.

Ник Картер облегченно вздохнул.

– Когда именно совершено убийство? – продолжал он расспрашивать.

– Труп найден несколькими минутами позднее полуночи. Я вышел из своего кабинета ровно в полночь, а через несколько минут туда поступило донесение о совершенном преступлении.

– Который теперь час?

– Без двадцати минут четыре, – сказал чиновник, посмотрев на часы.

– Комната для новобрачных находится на следующем этаже?

– Да, Картер, пойдемте со мной, я провожу вас туда.

В то время когда они поднимались по лестнице, Ник Картер, между прочим, спросил:

– Полисмен, которого вы прислали ко мне, сообщил мне, что сегодня на Делавэр-авеню произошли беспорядки?

– К сожалению, так и есть, – со вздохом подтвердил Гайнс.

– У музея Иеремии Стоуна?

– Да, но теперь уже все кончилось.

– Надеюсь, что с этим добряком Иеремией ничего плохого не случилось? – спросил сыщик.

– Внутри здание совершенно разрушено, и у Стоуна не осталось ни одного предмета для выставки в музее.

Ник Картер внезапно остановился и в изумлении посмотрел на своего спутника.

– Значит ли это другими словами, что беспорядки вообще были направлены против музея Стоуна и того, что в нем находилось, и что дело не в простом уличном беспорядке?

– Этого я не могу утверждать, я, скорее, склонен думать, что музей случайно подвергся разрушению. Беспорядок начался с ссоры одного из служащих в музее с несколькими проходившими по улице лицами у главного входа в музей. Служащий вбежал внутрь здания, а за ним погнались нападавшие. И вот после этого музей и был совершенно разрушен, так что камня на камне не осталось.

– Когда все это произошло?

– Тоже сейчас же после полуночи. Точно назвать время не могу, так как я еще не успел побывать у себя в кабинете, чтобы просмотреть дневник. Согласно тому, что мне доложили, все произошло около половины первого.

Они тем временем дошли до следующего этажа и прошли по длинному коридору до конца, где находилась двустворчатая дверь, охранявшаяся двумя полисменами. На диване рядом с этой дверью сидели два господина и вполголоса разговаривали.

– Это и есть комната для новобрачных? – спросил Ник Картер, указывая на дверь.

– Она самая.

– Сейчас в комнате нет никого?

– Нет. Я сам просил полицейского врача подождать вашего прихода, для того чтобы начать следствие вместе с вами!

– Отлично, – ответил Ник Картер, – об этом мы еще после потолкуем. А теперь, прежде чем вы познакомите меня с врачом, я хотел бы попросить вас об одолжении.

– Весь к вашим услугам, Картер.

– Как только я завяжу разговор с полицейским врачом, вы немедленно подойдите к ближайшему телефону, вызовите полицейское управление и наведите справку о состоянии здоровья доктора Кварца.

– Для чего? Вы ведь не шутите со мной?

– Я вовсе не шучу, а совершенно серьезно прошу вас обязательно справиться о здоровье нашего общего приятеля. Это не отнимет у вас много времени, а мы не войдем в комнату для новобрачных раньше, чем вы вернетесь сюда.

Вследствие просьбы Ника начальник полиции пришел в явно нервное состояние. Он кое-как познакомил Картера с врачом и сейчас же побежал по лестнице вниз, чтобы воспользоваться телефоном в гостинице.

– Начальник полиции желает войти в комнату для новобранцев вместе с нами, доктор, – любезно заявил Ник Картер полицейскому врачу, – если для вас безразлично, то подождем его возвращения, он недолго заставит себя ждать. А пока вы, быть может, будете любезны познакомить меня с этим господином? – сказал он, бросив вопросительный взгляд на спутника врача, приподнявшегося со своего места.

– Разумеется. Простите, что я до сих пор не сделал этого. Этот господин – постоянный врач гостиницы доктор Кристалл. Доктор, позвольте вас познакомить с мистером Картером.

Господин, к которому были обращены эти слова, низко поклонился, но не протянул руки, вопреки обычаю в таких случаях. Равным образом на лице его не отразилось любезного выражения. Он ограничился только словами:

– Очень рад познакомиться с вами.

Ник Картер, как всегда в таких случаях, внимательно оглядел своего нового знакомого и заметил, что господин этот был очень красив, в возрасте не больше тридцати лет, с лицом как бы высеченным из мрамора. Даже взгляд его, лишь на секунду встретившийся с взглядом сыщика, не выражал ничего. Ник Картер, высоко ценивший первое впечатление, которое на него производил незнакомый человек, сразу ощутил невольную неприязнь по отношению к молодому врачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.